

Стенограмма
заседания Круглого стола «Реформа образования:
точка зрения общественности»

15 февраля 2011 года

О.М.Здравомыслова. Дискуссию начинает Михаил Сергеевич. На заседании у нас присутствует Олег Николаевич Смолин, заместитель Председателя Комитета Государственной думы по образованию, поэтому мы тоже ему обязательно предоставим слово.

М.С.Горбачев. Все то, что мы имели в своем распоряжении, в том числе пять сверхплановых минут, которые были нами полностью использованы. Я хочу всех вас поприветствовать и сказать спасибо. Я слушал сообщения о погоде и подумал, что будет тяжело добираться. Но когда я дослушал сообщение до конца, что после среды к концу недели будет 30 и даже 31 градус мороза, я подумал, что мы все-таки успели что-то сделать.

Мое вступление будет кратким, поскольку мы постарались все-таки собрать довольно интересных, знающих людей. Я имею в виду Олега Николаевича Смолина, Артемия Игоревича Рожкова, Евгения Абелюка, Ксению Ларину и других – это тех, кого мы выставляем в качестве докладчиков.

О.М.Здравомыслова. Тех, кто начнет дискуссию.

М.С.Горбачев. Мне подсказывают, вот так я и живу и долго буду жить.(Смеется). А что вы хотите? Это же директор Фонда, потом буду еще отчитываться, что не так делал.

Что я хотел сказать от себя? Когда я в эти дни еще углублялся в эту тему и читал всякие текущие материалы, я просто пришел к выводу, что у нас тут кроется большая опасность – социальная и политическая для общества. Что еще так задевает страну и людей и касается образования и медицины, но образования в первую очередь. Я не знаю, здесь есть Сергей Всеволодов и Ирина Дмитриенко? Здесь? Нет? Я прочитал их статью, она в середине года была опубликована. Они заканчивают, что «следствием так называемой реформы образования станет не

только падение его качества, резкое сокращение возможностей для большинства получать знания, необходимые для устройства на хорошую работу, но и перспектива культурной деградации». Особенно звучит вот это слово «деградация». Это на самом деле уже происходит. Уже по всем анализам, информационным материалам, Россия идет с первых рядов по образованию на протяжении десятилетий туда куда-то к концу.

Деградация российского общества в целом закрепляет отношения господства и подчинения. Да, школа и образование – это была сфера равенства, социальной справедливости, это то, с чем могла предыдущая власть всегда выступать и доказывать то, что она народная власть. Закрепляя неравенство рыночного движения назад, к тем временам, когда знания, способность самостоятельно мыслить и творить было привилегией немногих. Борьба за сохранение доступного образования сегодня – это борьба против логики рынка как такового, борьба за лучшее будущее против нового варварства. И исход этой борьбы может зависеть только от нас самих.

Я полностью к этому присоединяюсь, даже счел необходимым с этого чтения начать свои суждения. Хочу высказать только несколько слов. Я думаю, что тут происходит нечто такое, что я даже острее бы поставил вопрос. По сути дела в лице начальников образования, потому что от них происходят предложения. Правда, при чтении я увидел, что в свое время и в выступлении, и в своем Послании, будучи президентом, Владимир Владимирович тоже обратил внимание - надо удешевить эту сферу и что у нас столько уже инженеров и образованных, что они вроде бы и не нужны, нам не нужно их столько. Так что тут мы вот до чего дошли. Это же отмечено в Послании и Обращении к нации. По сути дела, это течение, это движение за то, чтобы перетрясти все, связано с тем, что мы можем сказать, что это нарушение Конституции. Мы должны сегодня поставить так вопрос на нашем совещании, если вы это разделяете; даже если вы не разделяете это, то я это скажу. А может быть, нам на нынешней встрече (ведь собрались-то люди, знающие ситуацию) сказать – что и к чему, что вопрос стоит вот

так и не иначе. Втихую начались эти процессы, и теперь они уже приобретают антиконституционное значение. При действующей Конституции происходят антиконституционные меры. И кто их возглавляет? Лидеры – лидеры образования. Это почувствовал и уже новый президент, когда ему преподнесли, чтобы он подписал этот закон. Он его подписал, но так и не выпустил. Правильно сделал. Хотя более правильно было бы – просто поставить вопрос, завернуть этот закон и заставить вынести его на обсуждение, на работу во всех институтах, во всех сферах. Такой вопрос нельзя просто пускать, как получится. Это первое, о чем я хотел сказать.

Второе. Действительно, это напоминает мне восклицание одного царского деятеля, который сказал: «А что, нами будут кухаркины дети править? А зачем образование этим кухаркиным детям?» Поэтому я думаю, что дело дошло действительно до очень серьезного – это может привести... Надо предупредить - предупредить наше правительство, наши ведомства, которые отвечают за это, что это может кончиться куда сильнее того, что у нас тогда зимою было... У нас иногда надо зимы дожидаться, чтобы поставить вопрос очень острый. Тогда пенсионеры вышли и перекрыли дороги. Но это же, знаете, и так хитрят, и этак хитрят, и двенадцатое или одиннадцатое, и сколько, и вроде под Болонским процессом продвигая такое, что, вообще говоря, становится платным образование. Оно уже стало платным. А ведь все просто в этой сфере. Надо оставлять, защищать бесплатность, доступность всем и каждому в обществе нашем учиться. Это самое главное. Учителя должны (в конце концов, вспомним призыв Ленина, в этом случае и его стоит вспомнить) поставить пусть не на ту высоту, к которой призывал Ленин, но не на ту, на которой он находится до сих пор.

Посмотрите, что если реализовать до конца и последовательно вот эти соображения, подходы, которые там будут, село, вообще-то говоря, оголяется. Опять село за все расплачивается. Это внутренняя колония для индустриализации. Разорили ее и до сих пор не можем ее в колею ввести. И теперь опять бьем по селу. Село покидают, уже сейчас уезжают все в города. Со мной шофер ездит

из Рязанской области. Каждый раз, когда у него есть возможность, он едет к матери, тут недалеко. Было 10-12 домов, одна она осталась. Все, деревни нет. И таких деревень по России сотни, даже тысячи уже! Это же вопрос существования государства. Причем какое-то пренебрежительное отношение: да, он же из крестьян. Это я по своему адресу слышался. Ну что ты возьмешь от него: он же из крестьян. А вообще Россия откуда пришла? Из крестьян. Революция совершилась, было 80 процентов крестьян. Кто шел и индустриализацию сделал? Под руководством, естественно, крестьянина.

Кто защищал страну? Большая часть народа – это крестьяне с винтовкой. Это, вообще говоря, вопрос такого большого политического масштаба. Я думаю, что мы должны (если вы это разделяете) найти аргумент для того, чтобы сказать, что мы должны такой процесс остановить и призвать наших людей к этому.

Все. Кто следующий, Ольга Михайловна.

О.М. Здравомыслова. Олег Николаевич.

М.С.Горбачев. Олег Николаевич, я сейчас отхожу, пожалуйста.

О.М.Здравомыслова. Мы не предполагали, что будут большие доклады. Мы все-таки хотели, чтобы все присутствующие тоже включились в разговор, поэтому мы написали в нашей программе, кто начнет дискуссию. И вот я предоставляю слово после Михаила Сергеевича Олегу Николаевичу Смолину.

Олега Николаевича Смолина, я думаю, что представлять не надо. Он заместитель Председателя Комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию.

О.Н.Смолин. Ольга Михайловна, скажите сколько минут мне дается, ибо тема такая, что говорить можно от пяти минут до пяти часов.

О.М.Здравомыслова. Давайте выберем средний вариант. Минут 15.

О.Н.Смолин. Я начну, коллеги, потратив часть вашего времени, с такой полуиронической истории. Недавно за один день у меня четырежды брало интервью радио Сити-FM. В последний раз было интервью с Георгием Бовтом –

одним из лидеров «Правого дела». Обсуждали мы стандарт. Георгий Бовт вдруг в эфир говорит: «Ну, что они привязались к этому образованию? Оставили бы, взяли бы за основу советскую систему. Честное слово, не такая плохая была система образования». Это тот случай, когда беспартийный член фракции КПРФ целиком согласен с одним из лидеров «Правого дела».

Шутки шутками, но я хотел бы напомнить, что помимо известных вещей о том, что система обычно входила в тройку наиболее продвинутых, еще в середине 90-х годов Мировой банк в известном докладе признавал, что уровень, по крайней мере, математического образования в России значительно выше, чем в большинстве стран Организации экономического сотрудничества и развития.

А недавно у нас в Государственной Думе в очередной раз был министр образования и науки Андрей Фурсенко, и среди прочего я ему назвал некоторые данные. Например, как всем известно, согласно опросу PISA мы регулярно ухудшаем наши показатели по сравнению с другими странами. Это первое.

Второе. Согласно опросам, проведенным через четыре года, у нас на 4 процента выросло число людей, полагающих, что солнце – это спутник Земли. Было 28 процентов, а стало 32.

Третье. Если мы посмотрим на доклады о развитии человеческого потенциала программы развития ООН, то мы увидим при Андрее Александровиче следующую динамику: 15-е место, 26-е место, 41-е и 54-е. Если будем продолжать в том же духе, пойдем во вторую сотню.

И последнее. У нас есть ...константа. Я внимательно слежу за опросами общественного мнения. Так вот министр образования и науки регулярно все последние годы занимает последнее место в рейтинге российских министров – ниже министра финансов, ниже министра обороны. Без всякой иронии я сказал Андрею Фурсенко, что мы бы очень хотели, чтобы министр образования и науки, министр культуры и министр социального развития стали лидерами рейтинга российского правительства. Тогда, может быть, у нас действительно будет модернизация.

Но, тем не менее, на общем фоне, уважаемые коллеги, 2011 год – год особый. Потому что в 2011 году наше образование оказалось под шестью дамокловыми мечами, если угодно, под шестью угрозами. Назову некоторые из них: какие – подробнее, а какие – мельче.

Позиция первая. Вступает в силу Закон № 83 об автономных бюджетных и казенных учреждениях, сокращенно «Об АУ, БУ и КУ». Это не мой текст. Это текст заключения Думского Комитета по уголовному, процессуальному, арбитражному и гражданскому законодательству, где написано, что закон фактически превращает некоммерческие учреждения в коммерческие организации. Это Комитет Крашенинникова. Чем отличается коммерческая организация от некоммерческой - мы все понимаем.

Кстати, если правительство нас уверяет, что от закона всем станет лучше, то российское население думает иначе. Согласно опросу Левада-Центра, ожидают улучшения ситуации от этого закона 7 процентов, уверены, что от него качество образования, медицины и культуры упадет - 54 процента.

Угроза вторая – это бюджет 2011-2013 годов. Среди прочего этот бюджет обеспечивает продолжение курса, который в свою очередь обеспечивает 5 лет подряд снижение реальной заработной платы российского учителя в большинстве регионов России и на федеральном уровне. Зарплата не повышалась ни в 2009-м, ни в 2010-м годах. В 2011 году ее собираются повышать на 6,5 процента с июня, то есть на 3,5 процента в расчете на год. Это вдвое меньше официальной инфляции, в 3-4 раза меньше реальной инфляции. В 2012-2013 годах зарплата вообще не повышается согласно бюджету, принятому Государственной Думой.

Я бы мог добавить отдельную большую тему «Новая система оплаты труда», которая приводит реально к снижению зарплаты во многих регионах. Но это как бы не новация 2011 года. Это началось раньше. А вообще это, конечно, одна из самых главных угроз, которые перед нами стоят.

Позиция третья – это наступление на коммунальные льготы сельского педагога. Государственная Дума перед новым годом сделала педагогам очередной

подарок - закон № 439, который предполагает монетизацию льгот сельского педагога на уровне 2010 года. Но при этом почему-то там забыли прописать, что тарифы на коммунальные услуги у нас растут со скоростью 15-20 процентов в год. Это значит, что через 2-3 года от этих коммунальных льгот сельского учителя останутся одни воспоминания.

Я призывал депутатов Государственной Думы в декабре проявить характер и кому-нибудь в порядке эксперимента поехать поработать в сельскую школу без коммунальных льгот. Вы знаете, желающих не нашлось. Декабристы, видимо, остались в XIX веке.

Далее, уважаемые коллеги, позиция четвертая...

М.С.Горбачев. Было тяжелейшее время после войны, все разрушено, не было ни денег, ничего. А было все, как положено.

О.Н.Смолин. Михаил Сергеевич, я прекрасно знаю, что коммунальные льготы сельскому учителю давала и досоветская, и советская власть и денег тогда было точно не больше, чем сейчас. Это не вопрос денег, это вопрос государственного приоритета. Так же, как, кстати (раз об этом уже зашла речь), и закрытие сельских школ. У нас даже в первой половине 90-х годов сельские школы не закрывали, а количество их даже выросло. Но, увы, с тех пор общее количество сельских школ сократилось на 19 тысяч. И объяснять всё только сокращением количества детей невозможно, потому что ситуация будет такая же, как с детскими садами. Их позакрывали, потом начинается рост населения, оказывается, детей негде учить.

Идем дальше. Позиция четвертая – это проект Федеральной целевой программы развития образования, которую я позволил себе в Думе назвать, не меняя аббревиатуры, Федеральной целевой программой разгрома образования или сокращенно ФЦПРО. В этой ФЦПРО, в частности, записано, что за пять лет доля платных образовательных услуг в проекте, который мы видели в Государственной Думе (окончательный текст я не видел), написано, что за пять лет доля платных образовательных услуг должна вырасти на 7 процентов. Поскольку

сейчас она составляет 0,5 процента, прибавляем 7, получаем, что за пять лет она должна увеличиться в 15 раз.

Кроме того, в этой программе написано, что количество, доля студентов от общего числа получающих профессиональное образование должна снизиться с 71 процента до 50 процентов, то есть с учетом демографической ямы студентов предполагают сократить вдвое на протяжении пяти лет. И это называется модернизацией.

Коллеги, я думаю, что большинство присутствующих об этом знает. В наиболее продвинутых странах, скажем в Скандинавии, Японии, Южной Корее и Соединенных Штатах, получают высшее образование 80-90 процентов всей молодежи.

Далее. Я не могу не сказать, конечно, несколько слов о проекте Федерального образовательного стандарта. И дело не только в выборе предметов. Я хочу сказать, что стандарт имеет целый ряд фундаментальных недостатков. Назову некоторые.

Первое. Стандарт предполагает, что на федеральном уровне будет задаваться порядка 40 процентов содержания образования. Нас всегда учили все серьезные эксперты, что если менее 70 процентов - единое образовательное пространство разваливается. Кто не верит отечественным экспертам, я сошлюсь на мнение комиссара Штата Коннектикут Соединенных Штатов Америки по образованию, который мне энное количество лет тому назад говорил: вам хорошо, у вас есть общефедеральные стандарты. В Штатах общефедеральных стандартов нет. Теперь у нас тоже их, по-видимому, не будет.

Далее по поводу выбора предметов много говорили, но я хотел бы обратить внимание на то, что на самом деле это не расширение свободы старшеклассника, а ее ограничение. Напомню, что согласно проекту стандарта, если я, например, хочу, чтобы мой ребенок получил полноценное естественно-научное образование и изучал физику, химию и биологию, я могу бесплатно получить только один предмет, за остальное придется платить. Точно так же, если я хочу,

чтобы мой ребенок получил полноценное гуманитарное образование и изучал, скажем, историю, обществознание, географию, экономику и право, бесплатно - один предмет, за остальное - плати. Так написано в стандарте. Может быть, хотели по-другому, но написано так. Поэтому это моя третья претензия к стандарту. Он, конечно, будет работать на вытеснение бесплатного образования и замену его платным.

Четвертая позиция в стандарте касается условий. Там они прекрасно описаны: бассейны, танцзалы, мультимедиа - все замечательно. Но там есть одна фраза, что за их создание отвечает не учредитель, то есть не государство, а школа. А поскольку мы знаем, как предполагается увеличивать бюджет, легко понять, к чему это приведет.

Далее. Моя претензия к стандарту состоит в том, что он нигде не апробирован. Это тот самый случай, когда эксперименты проводить можно, но надо выбрать страну, которую не жалко. Без апробации... Представьте себе, что мы единый госэкзамен ввели не в 2009 году, а в 2002 году без всякой апробации. Мое отношение к ЕГЭ известно. Но если бы его ввели в 2002 году, последствия были бы еще намного хуже, чем в 2009 году.

И, наконец, я сильно сомневаюсь, что этот стандарт можно реализовать в большинстве школ Российской Федерации, в сельских школах, в малых городах. Посчитайте, какое количество комбинаций возникает с выбором предметов с учетом того, что каждый предмет можно реализовать на интегрированном, профильном и базисном уровне. Может быть, где-то в отдельных продвинутых московских школах это сделать можно. В абсолютном большинстве российских школ это исключено нацело.

Никто не считал социальные последствия стандарта. Они очевидны: резкий рост неравенства образовательных возможностей между столицами и регионами России и колоссальные непредсказуемые последствия с точки зрения учителя – сколько учителей придется уволить, каких специальностей сейчас даже трудно себе представить.

И последнее, о чем я хочу сказать, - это проект закона об образовании, подготовленный Министерством образования и науки, которое обсуждается в настоящее время на сайте. Проект огромен и абсолютно пуст. Мы подготовили альтернативный проект. На сайте «smolin.ru» вывешена сравнительная таблица из 44 показателей, сравнивающих наш законопроект с правительственным. На самом деле показателей окажется больше.

Пока по этим 44-м показателям ситуация такая: по 8-и наши позиции с министерством совпадают (это то, что прописано в основном в Конституции), по 18-и наши позиции решительно расходятся с министерскими и еще по 18-и ключевым позициям министерский проект не содержит никаких ответов на вопросы, которых ожидает образовательное сообщество. Например, финансирование образования. Данные Мирового банка: Советский Союз, 1970 год – 7 процентов от валового внутреннего продукта при огромных военных расходах и очень большой социальной нагрузке. Современная Россия, данные Общественной палаты: 3,5 процента. Все серьезные эксперты говорят, что модернизация при затратах на образование меньше 7-и процентов невозможна. Мы требуем 7 процентов - в течение трех лет вывести на этот показатель.

Налоги. Во всем мире образование налогов не платит. В России с начала XXI века решили, что образование – это такой же коммерческий сектор и его нужно облагать налогом наравне с другими. Мы требуем сделать как во всем мире. Доходообразовательные учреждения, которые используются на развитие образования, не должны облагаться налогами. Так, кстати, было по закону об образовании 1992-1996 годов.

Третья позиция – статус педагога. Без него ничего сделать невозможно. Правительственный проект молчит. Мы записали в наш законопроект две позиции. Первую из закона 1992 года: средние ставки в образовании не ниже средней заработной платы в промышленных отраслях народного хозяйства. Кстати, если кто думает, что это выдумка, то я напомню, что в Соединенных Штатах 129 процентов два года назад, у нас – 64 процента. Министру Фурсенко я сказал,

что модернизация с нищим учителем – это один из самых пошлых анекдотов, которые мне приходилось слышать за свою жизнь. Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда!

Вторая позиция – это требование большинства регионов России, направленное в Государственную Думу несколько лет назад, по пенсионному обеспечению и социальным гарантиям приравнять педагога к государственному служащему. Не сделать госслужащим, чтобы не отнять последнее - академические свободы, а приравнять.

Информационная среда. Правительственный проект молчит. Мы предлагаем воссоздать в России в метровом диапазоне государственный образовательный канал и стимулировать все каналы, которые занимаются реально образовательными программами. Я думаю, что Ксения Ларина должна оценить это, поскольку «Эхо Москвы» регулярно в прямой или косвенной форме проводит образовательные программы так же, как, например, Первый образовательный канал, созданный в дециметровом диапазоне негосударственным учреждением - Современной Гуманитарной Академией.

Точно так же мы отвечаем на вопросы, касающиеся сельской школы. Мы, например, требуем, чтобы ее финансирование не зависело от количества учеников, а, соответственно, ее реорганизовать можно было только с согласия жителей. Точно так же мы предлагаем определенный уровень стипендиального обеспечения.

Последнее, о чем я хочу сказать. Мы полагаем, что даем нашим членам образовательного сообщества не только больше социальных гарантий, но и больше свободы нашим законом. Например, правительственный проект предполагает обязательный и принудительный ЕГЭ. Мы предполагаем его только на добровольной основе. Правительственный проект предполагает обязательный Болонский процесс, при котором большинство студентов учится на год меньше и получает на 40 процентов меньше специальных занятий. Мы понимаем, что

где-то это оправдано, и предлагаем Болонский процесс на добровольной основе и т.д. и т.д.

Наш законопроект в духе закона об образовании 1992-1996 гг. основан на двух системах ценностей: это ценности социальные, высокий статус тех, кто учится и кто учит, и это ценности, если угодно, либерально-демократические или общедемократические. То есть это широкие академические свободы участникам образовательного процесса и широкие экономические свободы для образовательных организаций. Мы наш законопроект, так же, как и правительственный, скоро вывесим на сайте. Мы считаем, что это важное направление, по которому мы можем работать с правительством, а главное – с образовательным сообществом.

Заканчивая, уважаемые коллеги, я хотел бы напомнить еще раз про шесть угроз, которые нависли над российским образованием. Я надеюсь, что только усилиями образовательного сообщества их можно отвести, в противном случае нам придется вспоминать стихотворение, написанное знаменитым отцом знаменитого сына Анатолия Федоровича Кони около 150 лет тому назад. Я позволю себе взять из него короткую цитату.

*«Не жди, чтобы цвела страна,
Где царство власти, не рассудка
И где зависит все от сна
И от сварения желудка!
Где есть закон, чтоб понимать,
Как он изменчив и непрочен;
И где звездами лечат знать
От заслуженных ей пощечин!
Где много есть свободных мест
Для унижения и позора;
Где вешают на вора крест,
А не на крест вздевают вора!
...Где в прихоть барства и чинов
Даны на жертву поколенья,
Где для затмения умов
Есть министерство просвещения».*

Спасибо.

(Аплодисменты).

М.С.Горбачев. Олег Николаевич, позицию Комитета я уже чувствую. А Дума? У нее же есть право дать ход прежде, чем к президенту попадет?

О.Н.Смолин. Михаил Сергеевич, Вы, наверное, вспоминаете Съезд народных депутатов и Верховный Совет Советского Союза или хотя бы Российской Федерации первого созыва. Современная Государственная Дума - это нечто совсем другое. Журналисты печально шутят по поводу Государственной Думы и ее большинства, что она голосует, не приходя в сознание. Я однажды позволил себе, когда меня очень активно атаковали избиратели, такую ремарку: вы знаете, если бы в нашу Государственную Думу правительство или президент вдруг внесли законопроект о распродаже депутатских жен и подруг в гарем к турецкому султану, и то бы, наверное, бы, проголосовали.

М.С.Горбачев. Все ясно.

О.М.Здравомыслова. Спасибо. Сейчас я предоставляю слово Артемию Рожкову - директору Центра правовых прикладных разработок Института развития образования Государственного университета высшей школы экономики. Все мы знаем, что Высшая школа экономики является одним из центров, который разрабатывает новые документы и концепции образования, поэтому мы думаем, что Артемий что-то нам расскажет другое, чем предыдущий оратор.

А.И.Рожков. Добрый день, уважаемые коллеги. Я бы хотел от имени Высшей школы экономики немножко рассказать о том участии, которое Высшая школа экономики осуществляет в рамках общественного обсуждения законопроекта об образовании в Российской Федерации, на котором в конце своего выступления остановился Олег Николаевич.

Мы очень достаточно активно по позиции нашего ректора Ярослава Ивановича Кузьмина включились в общественное обсуждение законопроекта. Сразу отмечу, что нельзя сказать, что Министерство образования и науки является закрытым с точки зрения обсуждения и с точки зрения восприятия тех за-

мечаний и предложений, которые идут от общественности, от научно-образовательной общественности. Еще в прошлом году, когда этот законопроект только еще разрабатывался, рабочая группа, которая была создана по разработке этого законопроекта, весьма активно рассматривала все предложения, которые шли по его содержанию. И предложения, которые высказывала Высшая школа экономики, так или иначе в законопроекте были учтены.

Сразу скажу, что мы не являемся, так сказать, головным разработчиком законопроекта и тоже имеем к нему ряд замечаний и предложений, которые сейчас находятся, что называется, на рассмотрении и доработке. Вам известно, что 1 февраля закончилось общественное обсуждение законопроекта на сайте «Законопроект 2010-2011. РУ». Поступило более 10 тыс. замечаний и предложений. В основном эти замечания и предложения исходили от двух социальных групп – это обучающиеся, их родители и образовательное сообщество. К сожалению, в общественном обсуждении законопроекта мы практически не увидели мнение той стороны, которая непосредственно и, наверное, больше всего заинтересована в результатах образования, - это работодатели, если говорить о профессиональном образовании. Поэтому можно сказать, что обсуждение немножко протекало в таком однобоком характере, из чего понятно, какие проблемы наиболее волнуют педагогическую общественность и какие проблемы тоже интересуют родителей и обучающихся.

В то же время хочу сказать, что те предложения и замечания, которые были высказаны при общественном обсуждении, они рассматривались рабочей группой по общественному обсуждению, которая была создана и возглавляется советником Президента Российской Федерации Вениамином Федоровичем Яковлевым. В рамках заседаний этих рабочих групп достаточно много было предложений, поступивших на сайт; они были рассмотрены, учтены, и нас ожидает уже в ближайшей перспективе новая версия законопроекта, которая подготовлена по результатам общественного обсуждения.

Конечно, говоря о самом диалоге законопроекта, я думаю, что никто не будет оспаривать, что реформа законодательства в образовании достаточно давно назрела. Тот закон об образовании, который есть и действует на сегодняшний день, принят в 1992 году, была новая редакция в 1996 году, потом были многочисленные изменения, иногда доходившие до 5-и и больше раз в год. Они, конечно, нуждаются в более систематической обработке. У нас существует не один закон, который регулирует сферу образования. Есть закон и о послевузовском профессиональном образовании. Есть также ряд и других законодательных актов, так или иначе регулирующих сферу образования.

Кроме того, особенность регулирования сферы образования – это огромное количество подзаконных нормативных актов, которые непосредственно регулируют содержание и организацию образовательного процесса. Например, если мы возьмем дошкольное, общее образование, то в действующей редакции закона об образовании каждому этому уровню посвящено по одной статье, которая включает в себя несколько абзацев, а детальное, относительно дальнейшее правовое регулирование осуществляется в типовых положениях, в соответствующих типах и видах образовательных учреждений и в иных подзаконных актах, которые, к слову говоря, не успевали за изменениями, которые шли в закон об образовании. Поэтому систематизация этих регулирований сферы образования, включение в нее нормативного материала, который регулировал бы те нововведения, изменения современной системы образования, они, конечно же, должны быть включены в закон.

И законопроект, который сейчас обсуждается, имеет весьма много содержательных нововведений. Это и сетевые формы образования, дистанционное образование, кредитно-модульная система образования. Законопроект предполагает весьма серьезные подходы к прозрачности и открытости системы образования. Этому посвящена специально статья в законопроекте. Как раз на ней настаивала Высшая школа экономики, которая предполагает публикацию на официальном сайте «Образовательная организация в сети «Интернет» всего не-

обходимого массива информации, который позволит, с одной стороны, обучающимся и их родителям получить полную информацию при выборе образовательной организации, получить информацию об ее структуре, о содержании образования, которое предоставляется этой образовательной организацией, и о многих других вопросах.

Сегодня мы говорили о реализации, о том, что как бы те изменения, которые сейчас есть в системе образования, приводят к исключению бесплатности образования, нарушаются нормы Конституции и т.д. Хочу сразу, что называется, развеять этот миф, что законопроект об образовании, разработанный Министерством образования и науки, закрепляет, ограничивает какие-то конституционные гарантии граждан на получение образования, либо закрепляет принципы платности образования. В законопроекте предусмотрена гарантия общедоступности и бесплатности образования в соответствии с нормами Конституции. Это общедоступность и бесплатность дошкольного, общего образования и среднего профессионального образования.

Обращаю ваше внимание, что впервые в законопроекте предусмотрен принцип общедоступности и бесплатности среднего профессионального образования, которое по действующему закону является бесплатным, но получаемым на конкурсной основе, то есть не на общедоступном. А в Конституции Российской Федерации закреплён принцип бесплатности и общедоступности среднего профессионального образования. При этом ещё хочется как бы, забегаая вперед и думая о том, какие вопросы могут возникнуть в дискуссии, подчеркнуть ситуацию, которая сложилась с начальным профессиональным образованием. Опять же в прессе постоянно манипулируются разговоры о том, что мы уничтожаем систему начального профессионального образования, которое есть на сегодняшний день.

Не затрагивая вопросы эффективности действия этой системы в современный период, мы...

М.С.Горбачев. Мы – это кто?

А.И.Рожков, Мы – я имею в виду министерство, комиссия, рабочая группа по законопроекту. Министерство закрывает, уничтожает систему начального профессионального образования.

Коллеги, если посмотреть и подробно прочесть законопроект, то мы увидим, что система начального профессионального образования, кстати, не предусмотрена в Конституции Российской Федерации. В Конституции, в 43-ей статье у нас нет такого уровня образования, как начальное профессиональное образование. Она интегрируется в систему среднего профессионального образования, становясь первым уровнем среднего профессионального образования, подготовкой квалифицированных рабочих, которые внесены в законопроект. Кроме того, отдельные элементы системы начального профессионального образования входят в профессиональное обучение, финансирование которого, кстати, впервые в законопроекте предусмотрено за счет средств бюджета. В настоящее время аналогом профессионального обучения является профессиональная подготовка и ее финансирование за счет бюджета в действующем законе не предусматривается.

Но в то же время есть ряд проблем в законопроекте, которые мы не можем не учитывать. Это, во-первых, то, что в законопроекте, говоря о высшем образовании, не прослеживается интеграция науки и образования. Этим вопросам, к сожалению, в законопроекте не уделено должное внимание, и вот Высшая школа экономики как национально-исследовательский университет разработала ряд предложений по учету этих направлений в законопроекте.

Также в законопроекте предусматривается, фактически сохраняется существующая система распределения контрольных цифр приема в высшие учебные заведения, которая показывает в последние годы при реализации введения единого государственного экзамена в штатном режиме свою неэффективность при организации, при распределении бюджетного финансирования высшего образования.

Эти вопросы затрагивались при общественном обсуждении и есть надежда, что они будут отражены в тексте законопроекта. Поэтому я хочу сказать, что

нельзя приписывать те некоторые вещи, которые обсуждаются в прессе, тексту законопроекта. Не так, как говорят, страшен черт, как его иногда малюют. Да, законопроект нуждается в доработке, но основные базовые положения в нем есть, но назвать его не соответствующим Конституции нельзя.

М.С.Горбачев. Это наработки, а базовое лицо есть.

А.И.Рожков. Базовые положения, закрепленные Конституцией, они полностью есть в законопроекте. У нас есть текст законопроекта, в нем по сравнению с действующим законом об образовании гарантия бесплатности и общедоступности образования только расширена на среднее профессиональное образование. Я имею в виду, если говорить о том, что записано в законопроекте.

Мы сейчас, говоря о законопроекте, не можем обсуждать вещи, предусмотренные другими законодательными актами, в частности, о федеральном законе о бюджете. Мы не говорим об этих вещах. Это предусмотрено другими законодательными актами. Но базовая гарантия права на бесплатное и общедоступное образование в законопроекте есть. Нельзя говорить, что их нет. Наверное, у меня это все.

Мужской голос с места (*не представился, не в микрофон*)... Я могу с первого по одиннадцатый классы получить образование по всем шести приоритетам?... Абсолютно по всем.

А.И.Рожков. Коллеги, это вопрос, во-первых, стандарта, который законом не регулируется, а регулируется подзаконным актом.

Мужской голос с места (*не в микрофон*)...Я могу получить бесплатное образование по всем шести приоритетам?

М.С.Горбачев. Вас-то это интересует?

А.И.Рожков. Да. Во-первых, я вам хочу сказать, что вот тот стандарт, который вы обсуждаете, - это стандарт, ставший третьей ступенью общего образования. То есть не с первого по одиннадцатый класс, а с первого по девятый класс у нас стандарты уже утверждены. В начальной школе стандарты уже ре-

лизуются. Ирина Ивановна Тараданова, я думаю, что она вам об этом расскажет. Это представитель Министерства образования.

М.С.Горбачев. Нам не надо рассказывать.

А.И.Рожков. Что касается вот этих шести областей, то вы должны при этом иметь в виду юридические ограничения, которые у нас есть на объем образовательной нагрузки обучающихся, равной 36-ти часам.

М.С.Горбачев. У меня такой вопрос. Вы все-таки молодой человек и, мне кажется, не должны быть закомплексованным. В январе вышло открытое письмо педагогов. К нему сразу же за два дня присоединились 200 докторов наук, 12 тысяч человек и дальше пошел «паровоз». Это люди, так сказать.

А.И.Рожков. Да, это по стандарту письмо.

М.С.Горбачев. Вас это интересует?

А.И.Рожков. Нет ...Меня это интересует. Но, коллеги, в моем выступлении не было обсуждения стандартов.

М.С.Горбачев. Вы все считаете, что вы умнее.

А.И.Рожков. Нет, я не считаю, что я умнее.

М.С.Горбачев. Вы хотите запутать мозги просто.

А.И.Рожков. Я по стандарту не выступал сейчас. Я выступал по законопроекту.

М.С.Горбачев. Теперь будете говорить, о чем вы выступали.

Мужской голос с места (не в микрофон). Если можно. У меня один вопрос.

О.М.Здравомыслова. Да, пожалуйста.

Мужской голос (*не представился*). Извините, я не запомнил имя и отчество выступающего.

О.М.Здравомыслова. Артемий Игоревич.

Мужской голос (*не представился*). Уважаемый Артемий, у меня на руках находится огромное количество писем по поводу судьбы начального профессионального образования – Газпром, шахты Кузбасса, десятки академиков Рос-

сийской Академии образования и науки, Виктор Садовничий, правда, это не письмо, а просто высказывание; мне прислал письмо Михаил Калашников – изобретатель автомата, бесконечные ассоциации, руководители начального профессионального образования. Они полагают, что судьба начального профессионального образования будет ровно не такой, как вы об этом сказали. Они полагают, что большинство ребят, которые сейчас получают начальное профессиональное образование, не смогут получить даже первую ступень среднего профессионального образования и вынуждены будут ограничиться профессиональным обучением и что в итоге те, кто сейчас получает профессиональное образование, будут разделены на два потока: большинство, получающее профобучение без образования, и меньшинство, которое сможет получить первую ступень среднего профессионального образования. Вопрос: они не понимают своего счастья или идеал в чем-то другом? Почему они все пишут десятки и сотни писем?

А.И.Рожков. Петр Николаевич, а почему вот эти обучающиеся, о которых вы говорите, не смогут получить первую ступень среднего профессионального образования?

Мужской голос (*не представился*). По уровню подготовки.

А.И.Рожков. По уровню их общей образовательной подготовки? Трудно ответить на этот вопрос с точки зрения содержания подготовки по начальному профессиональному образованию: я просто тут не специалист. Но уровень подготовки квалифицированных рабочих, который предусмотрен в законопроекте в качестве уровня среднего профессионального образования, о нем можно будет говорить, когда будут соответствующие программы, заверения разработчиков законопроекта о том, что часть программ начального профессионального образования станет программами подготовки квалифицированных рабочих. Иначе откуда эти программы просто возьмутся, у нас в соответствующем профессиональном образовании тяжело.

Мужской голос (*не представился*). Артемий, вы сейчас говорите свое мнение?

А.И.Рожков. Это я говорю о своем мнении.

М.С.Горбачев. Это то, что вы выступили?

А.И.Рожков. По законопроекту?

М.С.Горбачев. Да.

А.И.Рожков. Я представляю мнение Института развития образования, Высшей школы экономики, которые тоже занимались экспертизой законопроекта в этой части, если мы говорим о начальном профессиональном образовании, - в части сохранения конституционных гарантий прав на образования для граждан, предусмотренных Конституцией в предлагаемой редакции законопроекта.

М.С.Горбачев. Садовничий говорит, что высшая школа также критически относится к проекту, по общему мнению ректорского корпуса, стандарты требуют серьезной работы. В школе нужна довольно твердая база. А вы говорите, что она есть

А.И.Рожков. Михаил Сергеевич, вы говорите о стандарте, о содержании. Я говорю о гарантии, что законопроект и действующее законообразование содержание образования не регулируют.

М.С.Горбачев. Я не знаю, о чем вы хотите сказать.

А.И.Рожков. Это две разные проблемные области. Одна область - содержание стандарта – это то, что внутри предусмотрено, вот это предметное образование федерального государственного образовательного стандарта.

М.С.Горбачев. Есть стандарты пахоты и посевов. Образование.

А.И.Рожков. Действующий закон об образовании и предлагаемый закон непосредственное содержание стандартов не регулируют. Они определяют, что стандарты утверждаются. Они определяют порядок разработки и утверждения стандартов.

М.С.Горбачев. И что там в стандарте будет написано вам до лампочки, да?

А.И.Рожков. Что будет написано – это вопросы, но в законе это не регулируется.

М.С.Горбачев. Но вы хоть знаете, что уже написано?

А.И.Рожков. Да, знаю.

М.С.Горбачев. Ну и что?

А.И.Рожков. Я знаю, что у нас утверждены...

М.С.Горбачев. Ваше личное мнение скажите, что предлагается?

А.И.Рожков. Что предлагает стандарт? Могу сказать свое личное мнение

Мужской голос с места (*не представился*). Закон это выделяет таким образом... Можно мне задать вопрос?

А.И.Рожков. (*Перебивает*). Он определяет, каким образом утверждается стандарт.

Мужской голос с места (*не представился*). Стандарт соответствует этому законопроекту?

А.И.Рожков. Как он может соответствовать, если законопроект и действующее законообразование это не регулируют. Они вообще не регулируют содержание образования. Сколько будет предметов, сколько будет часов русского языка, а сколько будет часов алгебры, сколько будет часов химии и физики, чем и обсуждается, - это предмет регулирования федеральных государственных образовательных стандартов.

Мужской голос с места (*не представился*). Я понял ваш ответ на мой вопрос. Получается, что количество часов, отведенных на обязательные стандарты, будет столько, что вы в лучшем случае сможете взять только один предметик.

А.И.Рожков. Количество часов, которое предусмотрено стандартом и финансируется за счет бюджета, - это 36 часов, 36 уроков. Это норма, которая ограничена санитарными правилами и нормативами. Больше в основную образовательную программу включить нельзя.

Мужской голос с места (*не представился*). Еще обычные 4 стандарта дали.

Б.А.Виноградов. Михаил Сергеевич, две проблемы. Рожков правильно говорит. Не надо путать две проблемы. Либо мы обсуждаем сначала закон отдельно, проект закона и говорим по нему – либо профессиональные выводы делаем, либо политические.

М.С.Горбачев. Мы об образовании говорим.

Б.А.Виноградов. Нет, подождите. Про образование – это ни о чем. Почему? Потому, что когда вы сказали про образование, о министре образования, я с этим принципиально не согласен. Образованием всегда занимается высшая государственная власть, начиная от Петра Первого, Николая Первого.

М.С.Горбачев. Мы никого из политических не затрагивали.

Б.А.Виноградов. А если мы не затрагиваем политические вопросы, а обсуждаем профессиональные вопросы, то давайте профессионально и рассуждать.

Во-первых: а) дадим высказаться товарищу Рожкову.

М.С.Горбачев. Подождите. Мы же это уже сделали.

Б.А.Виноградов. Второе – разделим проблему - проблему обсуждения проекта закона и проблему обсуждения стандартов об образовании в высшей школе. Рожков говорит достаточно квалифицированно. И тогда без эмоций все обсудим профессионально.

М.С.Горбачев. Но вы выскажитесь.

О.М.Здравомыслова. Вы представьтесь, пожалуйста.

М.С.Горбачев. Пока посидите.

О.М.Здравомыслова. Нам нужно для записи, чтобы вы представились.

Б.А.Виноградов. Виноградов Борис Алексеевич .Я из Российской Федерации.

М.С.Горбачев. С какого угла, уточните.

Б.А.Виноградов. Из угла, называемого Очаково-Матвеевское.

Минуточку внимания. Я работал 11 лет ректором университета, 4 года – министром образования Российской Федерации, затем депутатом Государственной Думы. Как депутат ныне работаю в данный момент, со вчерашнего дня, я инспектирую Московский Государственный Технический Университет имени Баумана по научно-инвестиционной деятельности.

Что касается образования – скажу все-таки несколько слов о проекте закона и образовательных стандартах порознь. Проблема должна, на мой взгляд, решаться достаточно простым путем. У нас есть по закону высший экспертный орган – это Российская Академия Наук. Это высший экспертный орган. Поэтому, поскольку стандарты выполнялись в рамках научного проекта по федеральной программе развития образования, они должны быть переданы в установленном порядке на экспертизу в Российскую Академию Наук. Это первое. И после уже заключения Российской Академии Наук можно о чем-то говорить. Сегодня Российская Академия Наук официального мнения, насколько мне известно, не имеет ни по закону, ни по стандарту.

Второе...

М.С.Горбачев. *(Перебивает).* А общество должно ждать, да?

Б.А.Виноградов. Насчет общества подождите, Михаил Сергеевич. Дайте мне сказать, а потом уже вы скажете.

М.С.Горбачев. Вы привыкли все время начальником быть.

Б.А.Виноградов. Да ладно, Михаил Сергеевич. Мы с вами слишком хорошо знакомы. Будьте спикером, а не начальником.

М.С.Горбачев. Хорошо.

Б.А.Виноградов. Второе – мое отношение как человека, который занимается вообще профессиональной наукой, мое отношение к ней. Я вам приведу такой пример, как бы сконцентрированный. Для того, чтобы определиться, почему хорошо или плохо сегодня в России в целом с образованием или со стандартами, я вам приведу простой пример, классифицируя источник по букве.

В советское время школьному образованию уделяли внимание такие фигуры на букву «К»: академик Капица, на буку «Х», академик Холмогоров Андрей Николаевич небезызвестный, академик Кикоин, журнал «Квант» и вообще и президент тогда Академии наук Мстислав Всеволодович Келдыш тоже не был далек от образования. Сегодня мы тоже имеем дело с авторами и разработчиками в сфере образования и тоже на букву «К». Это Любовь Петровна Кезина, это Александр Михайлович Кондаков. Это у нас, Саша, кто еще там? Ректор высшей школы экономики, муж своей жены И.Комина.

М.С.Горбачев. Нужно говорить об образовании.

Б.А.Виноградов. Я говорю об образовании. Понимаете в чем дело? Либо профессионализм высоких в постановке вопроса – все эти руководители хорошие. И Высшая школа экономики, и образование московское, но я не видел ни одной публикации научной высокого класса в сфере содержания образования от них. Ну, не видел, поверьте мне. К сожалению, не видел высокого класса.

М.С.Горбачев. Больше читать надо.

Б.А.Виноградов. Наверное. Ну, не видел. Вот Холмогорова видел и читал, Тыковина видел, понимаете? А этих людей не видел. Поэтому, конечно, проблема в том, что образованием содержательно в рамках стандарта образования на самом деле содержательно не занялись профессионалы, которые работают в этой сфере. А занялись этой работой организаторы. Это совершенно другая вещь.

Теперь что касается Фурсенко и т.д.

М.С.Горбачев. А Садовничий.

Б.А.Виноградов. Стоп, стоп, стоп. Садовничий – вы знаете... Вот Олег Николаевич знает, что в прошлой Думе я как раз и вносил проект закона о добровольности ЕГЭ. Я вносил пакет из десяти законов, которые Дума провалила. При этом товарищ или господин Булаев, когда выступал оппонентом мне, он сказал, что ЕГЭ был поддержан Союзом ректоров России. Правильно, Олег Николаевич?

О.Н.Смолин. Да, Булаев это говорил.

Б.А.Виноградов. Булаев это говорил. Я хочу сказать вам, что позиции меняются., поэтому я не хотел бы ориентироваться на чьи-то частные высказывания. Я считаю, что принципиально важно, я еще раз повторяю, если кто-то попытается сегодня спекулировать, что я кого-то там назвал неправильно, - вот эти четыре нынешние фамилии, которые я назвал, они все – уважаемые люди как организаторы образования. Еще раз подчеркиваю это, чтобы потом не стравливали меня с Любовью Петровной или еще с кем-то. Но это организаторы образования и надо четко понимать, что сегодня содержанием образования должны заниматься профессиональные люди. Не ректоры, не директора, не начальники, а те, которые в рамках Академии наук занимаются этим делом, в рамках Академии образования, если там остались такие силы, и им следует заниматься спокойно, профессионально и без спекуляций. Это принципиально важный момент.

О.М.Здравомыслова. Спасибо. Все. Это очень интересно, что ректоры, оказывается, не являются профессионалами в области образования.

Я думаю, что поскольку...

Голоса с мест ...

О.М.Здравомыслова. Простите, пожалуйста. Мы продолжаем нашу работу.

Б.А.Виноградов. Я еще раз повторяю: прошу не передергивать. Лектор занимается управлением и организацией образования в своем вузе. Он может быть специалистом там в области лазерной техники, в области химии, но не в области методологии образования. Вы поймите это, если мы говорим о профессиональности.

М.С.Горбачев. Вы себя к кому относите?

Б.А.Виноградов. У меня за последние три года в издательстве «Наука» вышел трехтомник «Взаимодействие лазерного излучения с полимерными материалами». Представлял в Санкт-Петербурге этот трехтомник Жорес Иванович Алферов, поэтому я отношу себя к специалистам в сфере лазерных технологий и

физики взаимодействия лазерного излучения с веществом. По методике образования...

М.С.Горбачев. *(Перебивает).* Вы сюда случайно попали?

Б.А.Виноградов. Вы меня пригласили.

О.М.Здравомыслова. Хорошо.

Б.А.Виноградов. Я являлся и являюсь специалистом в области управления образованием, организации науки, организации и управления инновационными процессами.

М.С.Горбачев. Но не научными.

Б.А.Виноградов. Подождите, нельзя же все и ничего - обо всем. Но если мы говорим о содержании образования, предметных областях, то здесь должны разговаривать профессионально люди, которые этим занимаются профессионально, с точки зрения не содержания отдельного предмета (для этого есть методические комиссии по отдельным предметам), а которые занимаются компоновкой базисных учебных планов. Правильно, господин Рожков?

М.С.Горбачев. Борис Алексеевич, значит, 100 процентов, вернее, 99,9 процента российского населения это не касается: они ни в чем не смыслят и не могут участвовать. Они только будут расхлебывать: дети не смогут поступить, не смогут получить образование и т.д. и т.д. Тут все нам ясно.

О.М.Здравомыслова. Все, Борис Алексеевич, ваша точка зрения ясна.

Б.А.Виноградов. Я еще раз повторяю. Вы нападаете на господина Рожкова и т.д. Я еще раз повторяю: я противник стандартов, противник законопроекта об образовании. Но я предпочитаю все-таки не эмоционально обращаться к А.И.Рожкову, который вообще-то отвечает правильно по существу, а говорить по существу дела. Почему мы противники, здесь я не очень могу согласиться со всеми текстами, о которых говорил тут Олег Николаевич. Не могу.

О.М.Здравомыслова. Спасибо, Борис Алексеевич. Ваша точка зрения понятна. Вы выступили, так сказать, в поддержку Артемия Игоревича Рожкова, на

которого мы не нападали, а которому мы задавали вопросы. Так что уверяю вас, все идет мирно и логично.

М.С.Горбачев. Все записывается. Искажать не будем.

Б.А.Виноградов. Хорошо.

О.М.Здравомыслова. Но я хотела бы предоставить слово все-таки, поскольку как всегда, как мы и предполагали, запутан вопрос. Он запутан реально. Закон об образовании и стандарты, которые вызывают такую безумную критику. Все-таки мы хотели бы его как-то немножко разъяснить. Сейчас я предоставляю слово Евгении Абелюк, заслуженному учителю Российской Федерации, которая, как я понимаю, является одним из авторов опубликованного письма. Если не так, поправьте меня.

Е.С.Абелюк. Я не буду примазываться сейчас к славе Сергея Волкова. Я не писала это письмо. Но я очень благодарна ему за то, что это письмо написано. Я одна из первых это письмо подписала и сделала все, что было в моих силах для того, чтобы оно максимально распространилось, чтобы люди читали и решали, стоит им подписывать это письмо или нет. Поэтому я, конечно, готова говорить в другой плоскости.

Я готова говорить о стандартах, причем все-таки, прежде всего, о стандартах в старших школах. Хотя, как мне кажется, разговор нужно выводить на гораздо более широкие просторы. Я готова говорить конкретно, причем не только, пожалуй, в той области, какой касается письмо Сергея Волкова. Мне кажется, что проблемы, которые возникают с этим текстом о стандартах, гораздо более широкие.

Но, прежде всего, о том, что связано с письмом. Вообще я исхожу из того, что стандарт образованию нужен, потому что у нас сейчас вроде бы пока вариативное образование, некое общее образовательное поле нам, конечно, нужно. Я исхожу из того, что тот стандарт образования, который принимался в 2004 году, совершенно нежизнеспособен. Более того, я знаю эту ситуацию достаточно близко, потому что тогда, когда он принимался, я входила в группу разработчи-

ков альтернативного стандарта образования. Было такое, кстати, по инициативе Высшей школы экономики. И мне пришлось представлять сделанный нами документ за очень короткий срок Филипповой. Я говорила, что тот стандарт, который нами принимается, абсолютно нежизнеспособен, что он не обеспечивает не только завтрашний день, но и не обеспечивает, извините, и сегодняшний, на что мне было сказано: ничего страшного, мы, конечно, с вами согласны. Но ничего страшного, уже завтра начнется работа над новым стандартом. Поэтому я в общем-то с этой проблемой знакома.

Теперь что касается этого стандарта. Его разработчики считают, что в его основу положены новые и прогрессивные идеи. Я говорю сейчас о старшей школе. А это возможность выбора предмета, то есть, значит, такая индивидуализация образования: учебный план составляется не на класс, а на каждого отдельного ребенка, уход от перегрузки, говорят они, и реализация деятельностного подхода, что на самом деле чрезвычайно важно, потому что мы привыкли к тому, что у нас не только ученики, но и учителя, когда повышают квалификацию, репродуцируют то, что им говорят, учебники тоже что-то такое репродуцируют, а в общем нестандартные творческие задачи у нас не принято решать в образовании. Соответственно то, что мы имеем, - это следствие как раз вот именно такой системы.

Однако если мы присмотримся к тому, как эти декларируемые действительно прогрессивные идеи реализуются на практике, то мы увидим совершенно, как мне представляется, другую картину. Во-первых, обратите внимание на то, что не предлагается облегчать, разгружать содержание каждого предмета. Именно здесь, кстати, у нас очень много проколов. Это знает каждый профессионал, что есть вещи существенные и главные, необходимые и есть совершенно необязательные, за счет которых перегружен каждый учебный предмет в школе. Это первое.

Второе. Если действительно стоит задача – разгрузить ученика и нужно оставить только по-настоящему полезные предметы, возникает вопрос: какие

предметы нужно оставлять? Знаете, у меня не вызывает сомнения физкультура. Действительно, у нас неважно обстоит дело со здоровьем детей. А вот ОБЖ - не только я, а все, с кем говорила, на самом деле все люди, абсолютно все, начиная от учеников, которые изучают этот предмет, и родителей, которые слышат, что там происходит на предмете, и преподаватели – все считают этот предмет очень странным. То есть введение ОБЖ в старшую школу как обязательного предмета показывает, что создатели этого стандарта думают все-таки не о разгрузке и образовании, а преследуют какие-то совершенно другие, по-видимому конъюнктурные цели. По каким-то причинам от этого предмета нельзя отказаться.

Вот мы были на эфире у Ксении Лариной, где как раз обсуждали этот вопрос, и Ефим Лазаревич Рачевский уже после эфира нам сказал: «Ну что вы хотите. Министерство обороны настаивает. Куда же нам от этого предмета». То есть таким образом, по-видимому, пытаются очень просто обеспечить нашу безопасность. То есть на самом деле предмет вводится по политическим целям.

О политических целях свидетельствует и намерение ввести такой предмет, как Россия в мире. Когда на следующем эфире у той же Ксении Лариной Виктор Павлович Дронов – главный редактор издательства «Просвещение» сказал, причем очень агрессивно заявил, что школа – идеологический институт», - он только подтвердил эти наши представления.

Я, пожалуй, не буду сейчас подробно говорить о том, что записано в обосновании вот этого предмета в стандартах. Вы это прочитаете сами. Собственно говоря, об этом речь уже шла, а много другой конкретики существует. Вообще нельзя ведь предлагать обществу «кота в мешке», а нам предлагается нечто что-то такое. Это связано не только с курсами – Курсом России в мире, скажем. Вообще не ясны условия, на которых выбор осуществляется. Например, совершенно очевидно, что обязательный ЕГЭ, возможности выбора уже уменьшаются. При этом нам вдруг говорят, отвечая на все наши недоумения, что нет, ЕГЭ не будет или ЕГЭ будет совершенно другим. Но каким? Похоже, что разработчики этого сами не знают. А такой документ нам уже предлагается.

Какое-то странное соотношение предлагается в учебном плане при выборе всех предметов. Сорок процентов чего? Времени учебного или чего-то еще на изучение физкультуры, ОБЖ, России в мире, проектной деятельности и 60 процентов – на все остальные предметы из всех остальных областей. Действительно ли, что это соотношение будет так жестко задано? Что это соотношение вообще обозначает? Несмотря на многочисленные разъяснения разработчиков, это совершенно непонятно.

Или где найти помещение? Здесь об этом говорилось. Говорилось о том, что, может быть, в московских школах они где-то и найдут. Но я вас уверяю, что не найдут такой возможности. У нас нет таких помещений. Как будет оплачиваться труд учителя, если, допустим, к нему запишутся на предмет 3 человека в условиях подушевого финансирования. Понятно, что это тоже вопрос.

Что делать, если ученик хочет выбрать второй иностранный язык, а в сельской школе нет такого преподавателя? Мне, кстати, очень интересно, а что будет с так называемыми элективами? Вы говорите, что будет 36 часов оплачено. Но сейчас на самом деле есть предметы – и дополнительное есть образование, тоже оплаченное. Где-то, скажем, в 70-ые годы у нас была уже замечательная система математического профильного образования в школах. Не было гуманитарной системы. Но я вас уверяю, что сейчас система гуманитарного профильного образования тоже в общем-то разработана. Есть чрезвычайно интересные разработки. Есть предметы, которые, понятно, никто оплачивать тогда не будет. Я, скажем, преподаю такие предметы, как мифологию и поэтику в профильном филологическом классе. И уже сейчас московская администрация, Московский департамент образования говорят, что родители за эти предметы должны платить.

Но более общие вещи. Вообще непонятно, в какой мере эта неурочная деятельность будет оплачиваться, кто это будет решать, – это очень важно все-таки.

Много вопросов в связи с предложением ввести проектную деятельность. Это вообще чрезвычайно важная вещь. Но как понимается эта проектная деятельность? В условиях, когда сами учителя формировались методикой натаскиванием, не умеют ставить творческие задачи и их решать, проект может свестись к тому, что ученики будут скачивать материал из Интернета. Я об этом говорю как человек, который с 75-го года занимается учебно-исследовательской деятельностью школьника, вела всякие там литературоведческие секции на учебно-исследовательских конференциях разного уровня. Я себе это хорошо представляю.

Дальше. Как следствие всего, что нам предлагает этот документ, возникает вопрос. Значит, получается, что широкое образование должно быть получено учеником фактически по 9-ый класс включительно? То есть к этому моменту он должен иметь необходимые для современного человека знания по биологии, химии, физике, литературе, истории. Не буду дальше перечислять, потому что дальше от любого из этих предметов он может отказаться. Вообще это очень жалко. Нужно ли?

И вообще нужна ли нам поголовная профилизация и одновременно фактическая ликвидация тех профильных школ, а есть и замечательные, которые уже сложились. Быть может, выбор должен осуществляться совершенно другим способом? Скажем, выбор элективов или выбор уровня общеобразовательных предметов.

Дальше. Нам говорят, что предметы будут подразделяться на три уровня, то есть будет такой интегративный курс в каждой предметной области. Это уже не учебный план фактически, это общие претензии к этому документу. Но совершенно непонятно, как это будет делаться. И вообще может ли быть это сделано? Потому что это чрезвычайно сложный курс. Например, курс естествознания. Понятно, что здесь нужно дать какую-то картину, мироздание показать. Для того, чтобы такой курс создать, нужны очень серьезные разработки. Между тем, специалисты образования этих областей говорят о том, что до сих пор ни-

как не согласованы программы по химии, физике, биологии и поэтому дать такой целостный взгляд не представляется возможным.

Более того, существуют работы, где доказывается, что это невозможно. А если такой подход и возможен, то только на уровне начальной школы (даже не средней).

Я могу говорить о предмете русской словесности, которую нам предлагают вводить. Более того, в ответах на вопросы Александр Александрович Кондаков высказал такую точку зрения, что фактически отдельно литература и русский язык вообще не должны изучаться, а на всех уровнях - интегрированном, базовом, углубленном - должна изучаться русская словесность. У этих предметов разные задачи, хотя слово – и есть материал литературы. Литература – это сфера искусства. Никто и никогда так литературу не рассматривал в нашей стране прежде всего потому, что это был всегда идеологически нагруженный предмет. Сейчас хотят это..

О.М.Здравомыслова. Заканчивается ваше время.

Е.С.Абелюк. Хорошо, я поняла, сейчас я буду заканчивать.

Все-таки скажу, что выпал такой предмет, как мировая художественная культура. Не буду говорить о материальной базе, о декларативности. Все это вызывает очень серьезные вопросы. Кроме того, нам говорят, и это важно, уже в ответах на вопросы. Ответы на вопросы совершенно нас не устраивают. Нам говорят, что классно-урочная система себя изжила. На самом деле это завоевание российского образования во многом. Конечно, это можно дополнять дистанционным образованием, и это нужно. Другое дело у нас эту систему не умеют использовать, потому что здесь можно научить людей слушать и слышать друг друга. У нас этому не учат, но уже сейчас от этого отказываются.

И еще о чем я хотела бы сказать совершенно обязательно? О том, как была воспринята критика, о том, что у нас совершенно нет системы и возможности влиять на документы. Посмотрите, пожалуйста; существует, кстати, свой блог у издательства «Просвещение». Что пишут в этом блоге люди достаточно извест-

ные? Письмо, написанное учителями и подписанное тысячами человек, называют доносом. Как об этом говорится? Не хочу даже на самом деле подробнее об этом говорить. Вот это нежелание воспринимать критику, эта агрессивность чрезвычайно настораживает. Это все, так сказать, - свидетельство общего стиля, нежелание власти, неумение доносить новые законы до общества и обсуждать с ним эти законы.

Закончить, пожалуй, я хочу вот чем. Я, к сожалению, поскольку не специалист в этом, не прочитала стандартов для начальной и средней школы, только заглянула в них. Но мне представляется, что сейчас нужно не просто заглянуть в уже принятые стандарты, а очень серьезно их пересмотреть, потому что наверняка мы увидим там ту же декларативность, которая, на первый взгляд, уже ощущается.

И.М.Здравомыслова. Спасибо. Всё? Закончили, да? Спасибо, Евгения.

Сейчас я предоставлю слово Ксении Лариной, которая регулярно ведет, как вы знаете, цикл передач «Родительское собрание». В этих передачах все эти вопросы рассматриваются. Я думаю, что у нас всех перед Ксенией есть такой вопрос, обращенный к ней. Как ее, поскольку она с одними говорит о законе, с другими – о стандартах, о предметах и т.д. Какое общее впечатление? Я хотела бы прежде, чем Ксения начнет говорить, процитировать Сергея Зиновьевича Казарновского, который на нашем прошлом Круглом столе в декабре по поводу образования рассказал в связи с тем, что происходит, замечательный анекдот. Он говорил очень много важного, но анекдот я тем не менее хочу вам рассказать.

Анекдот был такой. Сергей говорил, что нужно понять рамочные условия, в которых все это осуществляется – вся эта реформа образования, потому что мы ничего не понимаем, образование находится в истерике. И примерно мы выглядим так: когда Герасим уже поднял Муму, она ему вдруг говорит: «Вижу, Герасим, ты что-то не договариваешь. (Смех в зале).

Понимаете, вот мы все слушаем и оказываемся в каком-то таком интересном положении. Поэтому вот, Ксения, пожалуйста, после такого введения.

К.Ларина. Действительно меня трудно назвать специалистом в области образования. Я скорее наблюдатель и как журналист, и как мать.

М.С.Горбачев. У нас есть специальность гражданская, всех это касается.

К.Ларина. Учитывая, что мой ребенок учится сейчас в 10-м классе, а десять лет я веду программу «Родительское собрание», то есть практически на собственном примере мы проходим все эти замечательные нововведения, о которых мы сегодня говорим.

Я все-таки хочу поддержать Олега Николаевича Смолина в его оценке масштабности катастрофы. Это, безусловно, так. Мы начали сегодняшний разговор с результатов международного исследования ПИЗА, где мы находимся уже традиционно на последних строчках этих рейтингов. И это связано не с общей культурой, не с общим уровнем образования, а с неумением, как я понимаю (и думаю, что тут со мной согласятся профессионалы), использовать знания, которые мы получили в средней школе, на практике, то есть в жизни. Это, конечно, самое главное. Это невероятный разрыв между тем, что мы в школе получаем, и тем, чем нам потом приходится пользоваться в реальной жизни.

С другой стороны, вот здесь я вижу Елену Башкирову, социолога, с ней мы тоже не раз обсуждали катастрофические цифры. Понимаете, когда подавляющее большинство выпускников средней школы в Российской Федерации в качестве будущей профессии выбирает государственное управление, - это национальная катастрофа. Это значит, что учиться, по сути, не хочет никто.

С другой стороны, мы имеем цифры опять же катастрофические, не боюсь этого слова, по желанию, по мотивации, вообще свалить, что называется, из этой страны и там получить образование, и там найти работу и вообще устроить свою жизнь не здесь, не в России. Мне кажется, что когда наша власть, извините, Михаил Сергеевич, без политики здесь не обойдется. Когда мы говорим о такой тонкой материи, как образование, без политики невозможно.

М.С.Горбачев. Политика еще тоньше.

Ксения Ларина. Потому что это как раз и есть политика. Когда люди во власти закрывают на это глаза и считают, что ничего страшного в этом нет: подумаешь, без вас обойдемся. Обойдемся, так обойдемся, но это говорит о многом, когда люди не хотят, не видят будущего здесь, в этой стране. Простите, что так говорю. Но я ничего оскорбительного в это определение не вкладываю, потому что помню слова Анны Андреевны Ахматовой. «Если когда-нибудь в этой стране...» - помните она говорила про памятник?

Что происходит со школой? Самое главное – за 10 лет российская власть не выработала внятной национальной стратегии политики в области образования. Все, что происходит, - это какие-то мифические телодвижения. Почему так в штыки воспринимает всегда педагогическое сообщество, что вполне естественно, и родительское - тоже, потому что за этим ничего не стоит - никакой политики, никакой стратегии, никакого будущего.

Давайте попробуем так. Давайте будет единый госэкзамен. Давайте в качестве эксперимента. Эксперимент закончился, ЕГЭ у нас идет по всей стране и за каждый год за этими результатами ЕГЭ тянется общий шлейф коррупции, с одной стороны, приписок, бесконечных губернаторских парадных отчетов. Я знаю, что губернаторы просто собирают у себя директоров школ и говорят, какие результаты нужны по ЕГЭ. Все это прекрасно понимают, что по своей сути единый госэкзамен не стал материалом для оценки знаний, которые школьники получают у себя в школах. Это раз.

Во-вторых, товарищи, сегодня мы прекрасно понимаем, что поступить в высшее учебное заведение без специальной подготовки, имея на руках аттестат зрелости и результаты ЕГЭ, невозможно, потому что тех знаний, которые дает средняя школа, недостаточно для того, чтобы поступить на первый курс высшего учебного заведения. И все директора об этом прекрасно знают. На нашей программе не раз бывали ректоры самых престижных московских вузов и говорили о том, что им приходится перестраивать программу первого курса, потому

что люди приходят со слабыми знаниями... Но какие там знания? С чем их можно сравнить? Короче говоря, программа, которая предусматривает обучение студента-первокурсника, не способна научить ничему человека, который пришел из средней российской школы. Нужно начинать все сначала. Этот разрыв катастрофически увеличивается с каждым годом.

Дальше. Без репетиторов сегодня невозможно учиться не только в старшей школе, но и в начальной. Я смотрю по своим мамочкам. У меня ребенок учится в обычной московской школе. Мы так решили, он уже 10 лет в этой школе учится, потому что я понимаю, что лучшей не найти. Система образования у нас точно такая же, как система здравоохранения. Если нам повезет с врачом, то повезет, а если нет, то извините.

Я каждый раз повторяю, что на программу «Родительское собрание» приходят лучшие учителя, потому что плохие туда не придут, их не загонишь никаким калачом.

По поводу репетиторства. Безусловно, с репетитором сегодня начинают заниматься чуть ли ни с первого класса, потому что требования высочайшие, а учителя не успевают справиться с этой программой, которую они должны обязательно пройти с каждым ребенком. Тридцать учеников в классе, понятно, что никаких индивидуальных учебных планов в ближайшем будущем даже себе представить невозможно. То, что написано на бумаге, то, что мы с вами сегодня обсуждаем (и стандарты, и средняя школа, и старшая школа) – это все бумага.

Я позже скажу свое отношение к стандартам. Я тут, может быть, не так категорична в отношении этого проекта.

Что касается еще очень важной вещи, о которой я хотела сказать. Министерство образования занимается исключительно, как это сказать, внешними реформами. Никто абсолютно не занимается содержанием образования. Я тут не соглашусь с Олегом Николаевичем Смолиным, что советское образование в высшей степени было идеально. Оно было дидактичным. Мне все-таки кажется, что самое главное, что сегодня из школы уходит, - это дискуссионность, вари-

тивность. Почему у нас дети не умеют говорить, не умеют внятно выражать свою мысль? Потому что никто не занимается этими уроками. Это не риторика, конечно. Это возможность свободно выражать свою точку зрения, когда я говорю о гуманитарных предметах. Вот Евгения Семеновна Абелюк не даст соврать. Потому что у нас все уроки проходят в основном в армейской системе. Учитель сказал, ученик записал, ответил на три вопроса, написал дома сочинение, получил свою оценку и все. Никаких дискуссий. Это катастрофа. Так нельзя воспитывать людей. Нельзя ни в коем случае.

Для меня что главное в образовании? Это умение свободно мыслить, чтобы человек свободно мыслил, свободно мог рассуждать на любую сегодняшнюю тему, чтобы он имел свою точку зрения по поводу того, что происходит сегодня в стране, в семье, в конце концов, чтобы он свободно мог высказаться по поводу любой прочитанной книги, а не повторял тупо то, что ему навязал учитель или, не дай бог, учебник. Вот, что самое главное.

И второе, с чего я начала, - это абсолютное отсутствие мотивации к учебе. У нас сегодня дети не понимают, зачем им нужно учиться. Спросите любого ребенка пятого или третьего, или десятого классов, зачем он учится. Он никогда внятно на этот вопрос не ответит.

И последнее – это то, о чем говорила Евгения Семеновна. Она приводила в пример слова господина Дронова, главного редактора издательства «Просвещение», который действительно проговорился у меня на передаче. Мы долго с ним рассуждали, пытались из него выжать, а что такое Россия в мире, которую называли «Россия во мгле». В итоге он проговорился в конце, что школа – это единственный и главный идеологический институт.

Давайте все-таки вспомним про Конституцию Российской Федерации. У нас там нет никаких разговоров о государственной идеологии. У нас нет единой идеологии. И школа должна быть отделена от политики и от идеологии ровно на столько же, насколько она должна быть отделена от церкви. Школа должна заниматься образованием детей. Когда сегодня речь идет, прежде всего, о патрио-

тизме, о воспитании патриота, мне эти разговоры смешны. Это такая архаика, которая сегодня бесперспективна абсолютно. Мы этим самым, этими разговорами будем только людей выпихивать из страны, выпихивать из российской системы образования в зарубежную, где их не мучают проблемами идеологии и патриотизма.

Я убеждена, что все, что нам говорили про Манежную площадь в качестве примера: вот видите до чего мы довели, мы не воспитываем патриотов и поэтому вышли на улицу молодые фашисты. Дело в том, что качественное образование, человек образованный и свободно мыслящий, повторяю свою не хитрую истину, он сам по себе патриотом является. По-другому быть не может. Самое лучшее воспитание – это качественное образование. И пока этого у нас не будет, мы будем иметь вот таких манкуртов, которые сегодня могут пойти громить ларьки, завтра будут бить кавказцев, послезавтра они пойдут туда, кто их и породил. Мне кажется, что здесь эту опасность тоже должны чувствовать те, кто культивирует эту агрессивную массу, патриотическую. Они должны понимать, что когда-нибудь это все обернется против них.

Вот, собственно, все основные моменты. Я эмоционально высказалась, я по-другому не умею. Люди, которые у меня были на передаче, знают об этом. Спасибо за внимание. (Аплодисменты)

О.М.Здравомыслова. Спасибо. Я хотела бы сейчас предоставить слово Виктору Евграфовичу Шудегову, который тоже, как и Олег Николаевич, заместитель Председателя Комитета Государственной Думы по образованию.

Виктор Евграфович, пожалуйста, подходите к микрофону.

Я хотела сказать, что в Думе не одна партия, как нам известно, и мы посылали приглашения. Поскольку мы пытаемся выяснить точку зрения общественности, мы посылали приглашения представителям всех партий. Насколько нам известно и всем известно, очень активна в обсуждении этого вопроса, кажется, партия «Единая Россия», но никто от них не пришел. Это о чем-то говорит.

Мужской голос с места(не в микрофон). Это прежде всего их позиция, их документ.

О.М.Здравомыслова. Хорошо, если это их позиция, они могли бы ее и обсудить. Они тоже, я думаю, представители общественности. Мы особенно благодарны тем депутатам Думы, которые пришли. Виктор Евграфович – представитель партии «Справедливая Россия», помимо того, что он заместителя Председателя Комитета образования Госдумы. Пожалуйста.

В.Е.Шудегов. Уважаемый Михаил Сергеевич! Уважаемые коллеги, участники совещания! Я считаю, что очень важно, что вы проводите сегодня это мероприятие. В течение недели я принимаю участие (почти ежедневно) в подобных обсуждениях и стандартов, и будущего Закона Российской Федерации об образовании. Очень важно, что вся общественность в этом принимает активное участие. Если поставить вопрос так: нужны ли реформы в образовании? Да, конечно, нужны. И, кроме того, их надо обязательно проводить, потому что жизнь меняется, меняются экономика, страна. Все меняется. Но реформы должны быть понятны обществу, должны быть понятны родителям, обучающимся, и, конечно же, они должны быть поддержаны обществом.

Буквально в понедельник на Радио ФИНАМ ФМ, когда мы дискутировали тоже по новому закону об образовании и по стандартам, они включили интерактивное голосование: а сколько процентов населения поддерживает те реформы, которые проводит сегодня наше министерство во главе с министром? 90 процентов высказались против. Нужно же учитывать общественное мнение. Коллеги, ведь это же, в конечном итоге, вот эти агрессивные настроения копят у нас среди людей. Они прекрасно понимают, что у нас идет огромная растрата бюджетных денег на не понятные никому реформы.

М.С.Горбачев. Дело не только в деньгах.

В.Е.Шудегов. Да, конечно, дело не только в деньгах. Ведь никто не назвал, во что обошелся вам закон об образовании и во что обошелся новый стандарт. А вы назовите цифры конкретные.

А.И.Рожков. Нам – это кому? Высшей школе экономики? Она не участвовала в разработке стандартов.

В.Е.Шудегов. Но вы все равно имеете к этому отношение. Коллеги, сейчас по существу хотел сказать.. Я не буду ничего здесь называть, чтобы меня не обвинили, но это сотни миллионов...

Коллеги, я бы хотел высказаться теперь по существу. Начну со стандартов. Только вчера в Российской Академии Образования состоялось обсуждение с участием Кондакова и Кезина, которые обозначили свои фамилии на титульном листе. Хотя в целом Российская Академия Образования не принимала участия в разработке этого законопроекта. Хочу отметить, что мы дважды федеральными законами переносили вступление в силу этих стандартов – один раз на один год, второй раз на один год. И вот думали, что на этот раз получим прекрасный документ. А выяснилось, что документ совершенно не готов, общество его не воспринимает.

Здесь уже говорилось о том, что есть три уровня. Коллеги, вчера, кстати, завязалась дискуссия, никто не понимает что такое интегративный уровень. Коллеги, давайте оставим то, что у нас было – базовый уровень, закрепляем все 20 предметов, которые будут обязательными с указанием общего количества часов по каждому предмету и, конечно, для базового уровня, допустим, 30 часов. И многие вопросы со стороны нашего педагогического сообщества снимутся. Все они боятся, что сейчас произойдет сокращение.

Следующий уровень – профильный, где уже, допустим, 36 часов. Остаются те же предметы, но те предметы, которые составят основу для изучения в вузе или даже для будущей профессии. Они изучаются углубленно. Я именно об этом заговорил потому, что в 70-ых годах это уже было. Именно в 70-ом году я заканчивал школу с физико-математическим уклоном, изучал дополнительно физику и математику. И все это мне в жизни пригодилось. Потом кандидатская диссертация, докторская диссертация по специальности.

Но не всем, конечно, это все нужно. Базовый уровень – это те, я считаю, кто не знает нужно ему учиться или не нужно. Они заканчивают школу, кто-то идет в армию, кто-то дальше идет обучаться.

Коллеги, учитывая, что количество предметов сокращается в 2 раза, а вы помните, когда принимался 83-й федеральный закон, те товарищи, которые этот закон продавливали, нам говорили, что не будет никакого ухудшения в материальном финансировании образования, здравоохранения и других направлений, не будет потому, что есть стандарты, где четко прописано, сколько предметов у нас есть обязательных. Теперь же мы видим по стандартам ровно половина предметов остается из 20-ти.

Министр, выступая у нас на парламентском часе, еще раз подтвердил, что да, остаются 10 предметов. Но стали говорить о том, что остальные перейдут в систему дополнительного образования и тоже будут финансироваться. А из каких средств они будут финансироваться, если, как уже говорил Олег Николаевич, никакого увеличения в бюджете последующих лет не предусмотрено.

То есть тем самым мы подвели научную базу под сокращение наших преподавателей. Если раньше министр говорил, что каждый шестой учитель у нас лишний, то теперь получается, что каждый второй уже будет лишним. А вообще задача министра – защищать отрасль, не допускать сокращения школ, в том числе на селе, университетов. Естественно, сохранять все то, что было достигнуто нашими предшественниками в системе образования.

Коллеги, еще одно маленькое замечание по стандартам. В общей части, кстати, когда вчера обсуждали в Российской Академии Образования, практически замечаний было мало. Но я хочу отметить, что все-таки соотношение федерального компонента и компонента образовательного учреждения, безусловно, сюда надо добавить: восстановить региональный национальный компонент. Как представитель национальной республики я могу сказать, что у нас сейчас в Госдуме находятся 2 подобных законопроекта – от Татарстана и Башкортостана.

Конечно, министерство никогда не пойдет на восстановление этого, потому что оно должно само себе, как я сказал вчера, высечь – сказать: извините, товарищи, мы допустили ошибку, убрали национальный региональный компонент. А где будем изучать все то, о чем говорится в преамбуле этих стандартов? Многоцветие культур мы должны сохранить, все языки, которые у нас изучаются, и т.д. Помните, у нас даже императрица говорила, что моя задача сохранить все те языки, которые у нас есть в России.

Теперь о нашем будущем новом законе. Конечно, хотелось бы, чтобы это был образовательный кодекс. Когда я был председателем комитета в Совете Федерации до 2007 года, в 2004 году мы ставили эту проблему, что должен быть образовательный кодекс, куда должно войти все законодательство в области образования. Сейчас мы смотрим – стандарты сюда не вошли, 83-й закон, положения сюда не вошли. Даже законодательство, касающееся особого статуса Московского и Санкт-Петербургского университетов, тоже сюда не вошло.

Кстати, особый статус, если вы помните, состоит не в том, чтобы отдельно финансировать эти два вуза. У Московского университета была отдельная строчка, помимо бюджета образования, добавился Санкт-Петербургский университет. У них собственные стандарты. Они освобождены от сдачи ЕГЭ при поступлении и освобождены от перехода на двухуровневую систему образования. То есть все то, что сегодня вызывает такой негатив, в этих двух вузах для того, чтобы сохранить качество образования, их освободили от этих положений. Правильно?

Мужские голоса с места (*не в микрофон*).... Не совсем правильно...

В.Е.Шудегов. Не совсем, согласен. Коллеги, именно вот эти пункты сегодня вызывают наибольшее негативное отношение.

Мужской голос с места (*не в микрофон*). ...Полностью выхолостили пункты...

В.Е.Шудегов. Нет, нет, нет, товарищи. Вот эти пункты там заложены, что они работают по своим собственным стандартам. Они сами решают, переходить

им на двухуровневую систему, то есть на насильственный бакалавриат(?) или не переходить. Эти пункты там записаны.

Коллеги, создана комиссия по доработке вот этого будущего законопроекта. Олег Николаевич может сказать, что в прошлый раз мы заседали. Одиннадцать тысяч замечаний. Это говорит о том, что будущий проект закона никакой. Не может столько замечаний быть! Вы помните, как по 83-му закону само правительство в свой закон внесло 100 с лишним замечаний. Всего-то там было 6 статей.

А.И.Рожков. 11 тысяч – это общественники.

В.Е.Шудегов. А какая разница! Общественники – это люди, это специалисты. 83-й закон никто не давал тогда так обсуждать. Нужно было очень срочно принимать, пока люди еще не поняли, о чем там идет речь.

И вот теперь как проходит заседание? Сидит представитель министерства и сидят депутаты профильного комитета, депутаты других комитетов, председатели экспертных советов, и голос представителя министерства перевешивает все.

Приведу только один пример. Мы обсуждали проблему дополнительного образования на прошлом заседании комиссии по доработке. Я просто предложил, чтобы работники дополнительного образования имели все те же льготы, что и обычные педагоги. И что вы думаете? Естественно, предложение не прошло, потому что министерство считает, что это должно быть прописано в подзаконных актах - перечень тех работников, которые также будут иметь такие же льготы, как и учителя.

Коллеги, а в пенсионное законодательство кто будет вносить соответствующие изменения по досрочному выходу на пенсию и т.д.? Вопросов там очень много.

Почему так министерство против начального профессионального образования, если весь директорский корпус сегодня возмущен, все работники этой сферы возмущены? Почему нельзя оставить? Почему надо противопоставить

министерству, всему населению? Это совершенно непонятно. Мы по-прежнему будем надеяться, что к нам будут приезжать гастробайтеры и выполнять всю эту работу? А мы что, сами не можем подготовить хороших строителей, хороших всех специалистов, которые нужны в этой отрасли.

Разделение на учреждения. Посмотрите колледжи. Пусть в других странах они входят в систему высшего профессионального образования, но у нас они всегда были в системе продвинутого среднего профессионального образования. Теперь они становятся в системе высшего профессионального образования. 700 академий исчезают как образовательные учреждения. Вы посмотрите, какое количество населения работают, учатся, и все они против этого. И тем не менее министерство все равно стоит настойчиво против и будет, наверное, настаивать на том, чтобы академии как образовательные учреждения исчезли из системы высшего профессионального образования. Остались колледжи, институты и университеты. Колледжи – это там только, где бакалавариат, институты – это там, где есть бакалавариат и специалитет. Специалитет по разрешению правительства. Сегодня вам разрешили, а завтра у вас не будет специалитета, вы автоматически становитесь колледжем.

Следующий – университет. Конечно, там есть все, бакалавариат и, конечно, магистратура. Но магистратура по конкурсу распределяется. Не получили в этом году магистратуру, вы переходите в разряд института. Вот вам то сокращение до 150 университетов, о котором говорил министр.

Коллеги, много замечаний по этому законопроекту. Хотя наша общественность надеется, что вот мы послали замечания, и теперь они будут учтены, и теперь уж точно их голос будет услышан. Я настроен очень пессимистически, что все эти замечания будут учтены. Я считаю, что это нужно обсуждать на всероссийском съезде учителей, работников образования, выносить на всеобщее обсуждение, и вот тогда все наши реформы будут общественностью не просто поняты, но и будут поддерживаться.

Спасибо за внимание.

О.М.Здравомыслова. Сейчас мы все-таки находимся во времени. Сейчас мы сделаем небольшой перерыв. Но перед этим я хотела бы предоставить слово еще раз Олегу Николаевичу буквально на короткое время.

О.Н.Смолин. Уважаемые коллеги, я вынужден идти в Думу, поэтому мне потребуется полторы минуты для двух реплик одной истории.

Реплика первая. Ксения, я никогда не говорил, что советская модель образования была идеальной. Я не Леонид Поляков, который говорит, что суверенная демократия – это идеальная форма политического устройства. Меня в школе учили, что идеальных форм просто не бывает. Но факт остается фактом: были в тройке, а оказались на 54-м месте.

Второе. Что касается патриотизма. На мой взгляд, беда разработчиков стандарта не в том, что они вообще хотят воспитывать патриотов. Беда в другом. Они, мне кажется, путают совершенно разные вещи. Страну, Родину как непреходящую ценность, государство как преходящую, мы будем надеяться, ценность и правительство как очень преходящую ценность, которая регулярно меняется в странах с более-менее демократическим устройством.

Помните как говорил Никита Богословский: «Очень люблю Родину, намного меньше люблю государство, которое на ней находится». А я бы добавил: еще меньше люблю правительство, которое этим государством управляет. Когда путается отношение к стране и отношение к конкретному правительству, тогда невольно вспоминается Толстой: «Патриотизм – последнее прибежище негодяев».

И последнее. Совсем недавно я вдруг услышал от нашего замечательного учителя и директора Евгения Александровича Ямбурга историю, которую слышал 12 лет назад в далеком селе Ивановка в Омской области, где людям не платили месяцами зарплату. Они говорят: «Олег Николаевич, может быть, нам вас взять в заложники. Сейчас это модно. Может быть, зарплату нам выдадут». Я говорю: «попробуйте. Мне, наверное, поголодать было бы некоторое время полезно, а вам, может быть, и зарплату бы заплатили». Не взяли. Зато рассказали

историю. Она мне очень понравилась. Вдруг Евгений Александрович Ямбург мне ее снова рассказывает, уже в начале золотых, тучных, послекризисных лет.

А история очень простая. Учитель после кончины по ошибке попал в ад. В небесной канцелярии перестройка началась и что-то там у них с документами не получилось. Ему по определению в рай положено, а он попал в ад. Проходит три месяца. Они разобрались в бумагах. Приходят: «А ты что не жалуешься?». «А мне, - говорит, - после школы это место раем показалось.

Я думаю, что никакая реформа в России невозможна до тех пор, пока статус учителя, статус педагогического работника вообще в России столь низок, как он есть. Я рад, когда президент нам всем говорит, что сам лейтенант полиции будет получать 32 тыс. Это тяжелая и важная работа. Но когда профессор при этом получает 22 тыс. из бюджета федерального вуза, я думаю: а какое государство мы строим? Мне кажется, что надо строить все-таки не полицейское государство, а государство знаний или общество знаний, как об этом все говорят.

Спасибо. (*Аплодисменты*).

О.М.Здравомылова. Сейчас мы сделаем небольшой перерыв – минут на 10. Направо буфет, можно попить кофе, после чего вернемся сюда.

(Объявляется перерыв на 15 минут).

О.М.Здравомылова. Мы продолжаем наш разговор. Я бы хотела предоставить слово – первым хотел выступить Николай Иванович Кузнецов, который не только давно руководит, координирует работу социал-демократов, но и является руководителем наукоградов. Поправьте меня, как правильно сказать.

Н.И.Кузнецов. Наукоградами трудно руководить. Руководжу Союзом развития наукоградов России.

Спасибо, Ольга Михайловна.

Мне кажется, что о качестве власти как раз можно судить по ее отношению к образованию. Это такой почти универсальный способ. Должен я вам ска-

зять, что Борис Алексеевич Виноградов, который тут спорил и ушел, в одном был точен. Не в министре дело. Являясь вот таким функционером применительно к наукоградом, я был членом Комиссии по научной инновационной политике длительное время, пока она ни преобразовалась в правительственную. И как только возникает какой-то конфликт с членами этой межведомственной комиссии, где возражают по тем документам, которые из министерства идут, Фурсенко тут же говорит: «Нет, нет, вот идите, с ними, тогда будет по-вашему, а так будет по-моему».

Мужское голос с места (*не в микрофон*). ...

Н.И.Кузнецов. Да, тут недалеко.

Вторая моя позиция такая: если есть нефть, народ вообще не нужен, поэтому с ним можно делать что-то такое, чтобы он был более удобным. В этом смысле, мне кажется, что этот закон не вдруг, это не то, что свалилось, и мы вдруг осознали, что надо что-то делать. Складывается такое впечатление. На самом деле, учитывая сегодняшнюю терминологию: «Любовь к инновация» - это уже не первый, а целый поток идет от Министерства образования и науки. И некоторые из них в ЕГЭ погрязли.

О специализации. В свое время английский лорд и писатель Чарлз Перси Сноу, нахваливая нашу отечественную систему образования, объясняя англичанам, выступая в Кембриджи и других местах (к стати, многие его работы опубликованы, такая книжка для культуры у нас есть и т.д.), он про что говорил – о главном? Главное - это не о специализации. Главное – это про фундаментальность, про широту и глубину. И когда сегодня говорят о том, что (это частый термин сегодня от тех, кто защищает и законопроекты, и стандарты, и т.д.): ну, вы посмотрите у нас не такое высокое, вы посмотрите, какое у нас образование. И говорят, что вот есть, конечно, хорошее: а) вузы, б) школы и т.д. Но есть же посмотрите много каких-то других.

Но ведь и тогда в эсесэровское время они были разные. Но тут же речь идет не о том, что есть вот такое распределение – одни выше, другие ниже, а

речь идет о том, где вот этот средний уровень. Они всегда будут разные. Где этот средний уровень? А этот средний уровень снижается за последнее время уже совершенно при этой власти, которая говорит про то, что сегодня мы имеем, как будто бы она не отвечает за это.

Один из моих коллег уже по социал-демократической линии – Андрей Максимов, который много занимается выборами, говорит: «В фокусгруппах писать сложноподчиненные предложения нельзя: не понимают». Мне кажется, что вот здесь я бы обозначил три термина.

Первый – это то, что уже давно идет и есть некоторое лукавство относительно того, что это в общем не наше, это сегодня надо менять. Поэтому вот отсюда вытекает все это. В основе этих изменений, с моей точки зрения, лежит на самом деле некий бюрократический, примитивный экономизм. То есть человека здесь нет, а есть сферы и образование, в первую очередь, где экономические подходы не работают в принципе. Образование – это способ воспроизводства общества, способ трансляции и культуры. Пытаться здесь все сделать механизмами, которые они привыкли использовать в бизнесе, и понимать все, как это устроено, невозможно.

Вторая вещь – сущностная. Есть такая позиция – фундаментальная и глубокая или специализация. Вот я о Чарлзе Перси Сноу уже говорил. Давайте посмотрим, что есть сегодня. Уже до этого закона запущены эти специализированные школы в огромном количестве. И то, что сегодня про стандарты говорится, когда вы выбираете то, чего вам надо, а подспудно избавляетесь от того, что вам вроде бы не надо, – это же продолжение этого самого.

Более того, смотрите. Нам говорят... Я работал тоже... сейчас она как-то затихла. Есть такая рабочая группа РСП (Российский Союз Промышленников), ее возглавлял Караченцев. Там тоже очень много разговоров про то, а зачем нам нужны эти люди, которые получают образование, а потом идут работать куда-то не туда, чему их учили. Но возникает вопрос: если мы сегодня критикуем нашу систему как систему, ориентированную на нефтяной, сырьевой и прочий сектор,

в котором мало понятно, как будет дальше развиваться и подниматься наукоёмкая инновационная эта составляющая, то кого же нам нужно готовить? Того, кто прямо встроится в то, что есть сегодня, или того, кто будет готов встроиться в то, что будет завтра? Следовательно, возможности здесь только одни – это не специализация. Это широкая и глубокая фундаментальная подготовка.

И в связи с этим пропускают все, мне кажется, - совершенно жуткую вещь. Уже тоже до закона введен, так называемый, прикладной бакалавриат. Вы помните, что бакалавры – это некие те, после которых начинается магистратура и еще что-то. То есть по сути в этой схеме бакалавриат – это и есть основное образование, потому что дальше уже углубляются и специализируются. Так вот прикладной бакалавриат поручен частично вузам, но большая часть - техникумам таким, которых вроде некуда девать.

Но в техникуме, как вы помните, совсем другая парадигма. Там она не фундаментальная, там это не нужно, там нужно сразу его настроить на что-то такое, чем он будет заниматься. То есть вот эти вывернутые наизнанку принципиальные вещи, связанные с образованием, мне кажется, что вот их-то в первую очередь и надо выяснять, проявлять и обсуждать, потому что, как бабушка моя говорила, правильно застегнуть первую пуговицу, а то или одна останется, или лишняя будет. То есть мне кажется, что при обсуждении, когда мы идем от закона, то мы начинаем пытаться увидеть какую-то норму, спорить о том, какие она будет иметь последствия. Но сама по себе эта часть – это только десятая, двадцатая часть всего того, что на самом деле сегодня в отношении образования делается.

М.С.Горбачев. Я часто езжу по странам Запада и посещаю разные учреждения, заведения, где много разных инженеров, там и много наших работают. У всех одно мнение: когда попадают русские специалисты, то у них нет конкретных знаний в определенных областях, но они все быстро осваивают, поскольку у них общая база. Это позволяет им быстро войти во все и освоить.

Н.И.Кузнецов. Михаил Сергеевич, я заканчивал МВТУ им. Баумана и был такой юмор на устных журналах: какие студенты разных вузов? В МГУ, например, они все знают, но ничего не умеют. В МИФИ они немножко знают, немножко умеют. А в МВТУ они ничего не знают, но все умеют.

М.С.Горбачев. Надо же себя похвалить.

Н.И.Кузнецов. (Смеется) Вот посмотрите. Теперь есть некоторые вещи, которые отразятся потом. Финансирование по итогам уровня ЕГЭ, который набрал вуз. Если ты набрал с хорошим уровнем сдавших ЕГЭ, тебе больше денег, а тем, кто меньше. Понятно, что сегодня будут стремиться несколько вузов получать вот этих, которые больше будут получать, а остальные будут получать меньше. Но я вам скажу такую вещь, что когда делили вот на эти категории-касты вузовские, то про МГУ и Питерский университет говорили. Вторая группа – это федеральные университеты, Тоже часто говорят, что мы создали федеральный университет. Но как создали? Длительное время уговаривали пять вузов на какой-то территории, чтобы они объединились, на много лет многие остановили свою деятельность, потому что дележка портфелей у нас сопряжена всегда с большим количеством дел, им некоторые деньги дали.

Второе. Национально-исследовательские университеты. Ну, не удержались даже, чтобы не дать двум своим, в которых ректорами стали заместители министров МИФИ и МИСИС первым, а потом уже остальным по конкурсам. Но смотрите, я знаю по наукоградом. На базе Пущинского научного центра был в 92-ом году создан Пущинский государственный университет. Я принял в этом некоторое участие в его создании. Это то, чего мы не имели и всегда говорили, что вот как за рубежом: у них наука в университетах. Вот на базе Пущинского научного центра создан ПушГУ, Пущинский государственный университет и деканы факультетов и директора институтов соответственно, замечательное образование, там соросовские профессора, там очередь стоит зарубежных людей поучиться биологии в этом университете с деньгами - с евро, с долларами и т.д.

Вот за эти почти уже 20 лет между собой спорили разные ведомства, что надо там построить гостиницу или нет для того, чтобы там проживали.

Сегодня мы обсуждаем законодательство в других вариантах, когда вот тех, кто работает в НИИ, не нужно учитывать в качестве работников там, если они нештатные работники.

Что дал этот университет Пушинскому научному центру? Два года магистратуры, три года аспирантуры, 5 человек – это молодые люди, которые даже если потом уедут, они пять лет отдали работе вот в этом НИИ.

В Дубне, я не буду ее брать. Я хочу сказать, что в итоге вот эти университеты получают большой минус в финансировании, если, так сказать, вот это деление на касты, на размеры, на внимание власти к одному из этих направлений будет развиваться.

И последнее. Об учителе здесь говорили. Я должен напомнить, что Владимир Ильич Ленин когда-то в письме к ученикам Каприйской школы писал, что во всякой школе самое главное, самое важное – это идейно-политическое направление лекций. Чем определяется это направление? Он говорил: «Всецело и исключительно составом лекторов». Все эти планы, все эти программы – это пустой звук по сравнению с составом лекторов.

Сегодня мы имеем педагогические вузы, как бы их ни критиковали, но они в общем почти на корню уничтожены. В то же время три вещи про учителя я хотел бы сказать

Первая вещь, на мой взгляд, самая главная, - это, прежде всего, культурный и высокообразованный человек. Второй – предмет его деятельности – это не математика и не прочее, как мне кажется, это развивающаяся личность. И только в третьем – это уже предметная область. Сегодня это не интересует власть в принципе. Мне пришлось, работая председателем комиссии в Московском областном совете и дальше, поддерживать некоторые проекты, из которых выросли сначала лаборатории. Мы с Сергеем Александровичем, моим замом развивались. Сегодня это институт психологии в РГГУ им. Выготского. Елена

Евгеньевна Кравцова – директор института была на прошлом мероприятии у нас. Так вот они имеют очень мощную и содержательную систему. Они занимаются развивающейся личностью. Эта проблема никого не интересует. Некоторые их программы требуют десяти лет, чтобы постепенно втянуть разновозрастные группы и т.д. и т.д. Чиновникам от образования инновации нужны минимум через два года. Их не интересует, что там именно внутри.

Мне кажется, что эта проблема, связанная с учителем, она до сих пор не то, что не осознана, она закладывает проблемы, которые вылезут через 10-15-20 лет в таком абсолютно жутком виде, что, не знаю, если доживет Фурсенко, то перевернется несколько раз со своими начальниками в гробу.

Спасибо.

О.М.Здравомыслова. Спасибо, Михаил Иванович. Сейчас я предоставлю слово Александру Михайловичу Абрамову. Это член-корреспондент Российской Академии Образования.

М.С.Горбачев. А почему так получается, что Академия Образования в работе у нас не участвует?

А.М.Абрамов. Сейчас я скажу.

О.М.Здравомыслова. Хотелось бы знать вообще – кто это делает, откуда эти документы, кто их автор. Здесь одни начальники, как правило, выступают, а вот где авторы? Это как-то непонятно.

А.М.Абрамов. История такая тягостная – это 20 лет позора, потому что в 1992 году, когда появился закон, появилось слово «стандарт», не было ясного понимания, что это такое. Предполагалось, что это обычный набор программ, учебников и т.д. Потом было много операций по подготовке этого стандарта. Все они были безуспешными, потому что когда выходил вопрос на дискуссию, никто не мог договориться. Да и тем более никто не усердствовал, потому что одна группа сменяла другую, терпения не хватало, аудитории серьезного, профессионального обсуждения не было. Но в итоге кончилось дело тем, что в 2004 году Владимир Михайлович Филиппов в последний день пребывания на посту

и.о. министра, поскольку от него требовало высшее начальство (Владимир Владимирович с 2001 года говорит, чтобы к концу года были стандарты), он подписал проект стандартов. Проект стандартов тот уже был довольно убийственный. Я приведу пример.

В порыве революционного романтизма для борьбы с перегрузкой в курс математики добавили при уменьшении часов элемент теории вероятности, комплексные числа. Вот мы зато математическое мышление развиваем. Тогда было много ошибок. Но Фурсенко у нас большой демократ. Он сказал, что вот есть обязательный минимум 1997 года, есть стандарты. Кто хочет, по тому и работает. Но было дано негласное поручение по всем издательствам, чтобы все авторы переработали учебники в соответствии со стандартами, что и произошло. Но было понятно, что стандарт нелегитимен и поэтому в 2004 году Фурсенко объявил проект с выделением денег.

Дальше роковую роль сыграл так называемый 94-й закон, потому что объявляли конкурс на победителя с известным победителем. Все эти конкурсы проводятся по схеме: начинают выигрывать те, кто больше вхож в определенные кабинеты. Формально – это выигрывала академия, реально очень быстро перехватил все эти вещи Кондаков, что, вообще говоря, странно, потому что у генерального директора издательства «Просвещение» свободного времени мало, а конфликт интересов здесь наблюдается.

Я вам могу сказать, что большая пятерка, которая сейчас этим занималась, - это не только Кондаков и Кизина, это Фурсенко, это Осмолов, который официально уже назван идеологом, и это Исаак Иосифович Калина, который курировал в роли начальника департамента.

Режим работы. Я присутствовал на первой стадии, но вышел из этого, потому что так не работают. Я занимался так называемым фундаментальным ядром содержания. Я вытаскивал всех членов большой академии. Но там была идея правильная, но она потом была порушена. Режим работы был таков: в связи с этим конкурсом: полгода пишется многотомное техническое задание, 45

дней отводится на конкурс, потом проводятся переговоры, определяется победитель, который был известен в самом начале, 1 октября приходят деньги, 15 ноября работа заканчивается, бумаги сдаются, бумаги принимаются, деньги раздают. На следующий год происходит то же самое.

М.С.Горбачев. Это все правильно.

А.М.Абрамов. Михаил Сергеевич, я описываю, что это ни в какие ворота не лезет. Так что здесь не нужно удивляться, что выходит документ такого плана.

Академия – здесь есть, конечно... Вне кадров наш президент. Он сейчас, конечно, говорит, что вот я не смог справиться. ,Это правда, что он не смог справиться. Но он на то и президент, чтобы справиться. Академия, к сожалению, я должен признать, что занимается тоже таким национальным видом спорта – выборами, на общем собрании проблемы школы не обсуждаются, никаких резолюций академии ни по поводу ЕГЭ, ни по поводу баквариата и т.д. не было.

Я не хочу даже сейчас громко здесь рассказывать про стандарт качества. Я приведу сейчас полное собрание замечаний, которые во всей прессе расписаны. Можно собрать большой томик, но сборник минусов будет намного превышать. Я могу это долго комментировать, но не хочу этого делать. Я просто кратко скажу, что дело далеко не только в стандарте для старшей школы, который вообще ни в какие ворота не лезет. Приведу один пример. В утвержденном стандарте для младшей школы это чистое вранье, что 200 тыс. участвуют в эксперименте. Могу привести пример, что официально в Москве 200 школ уже с 1 сентября участвуют. Никаких программ нет. Потому что стандарты формулируют требования к примерным программам. Примерные программы сейчас рисует Адамский. Вы можете посмотреть в Интернете – это тоже треп. И под этим идет романтично-либеральная идея, что школы сами будут разрабатывать свое содержание. Именно так сейчас ведется эксперимент в Москве; хотя бы были деньги, посадили бы людей, которые делают программы, но в природе ничего нет.

Я приведу один пример. Появился такой предмет – математика и информатика. Внешне красиво, реально. Четыре часа. Мало того, что в математику добавляются статистика и информатика, это разные цели, но они выйдут из начальной школы, не зная таблицы умножения, не умея складывать дроби, а дальше – прощай математика в школе, потому без этой основы, конечно, математику дальше изучать бессмысленно.

Я перейду все-таки к главным вопросам, к главным проблемам, как мне представляется. Вопрос: что делать?

М.С.Горбачев. Это важный вопрос.

А.М.Абрамов. Еще важнее, а кто это сделает, Михаил Сергеевич?

Первое. Пора уже называть вещи своими именами. Мы имеем серьезнейший кризис всей национальной системы образования. Это очевидно в школе как в воспитательной части, так по части знаний. Мы имеем разрушенную систему профтехобразования со всеми вытекающими последствиями – социальными и профессиональными. И мы имеем систему высшего образования, превращенного в черный рынок дипломов. Перегружены безумно. Результаты понятны. Нарастает кадровая деградация, некому ракеты делать и много другого, чего некому делать. Это национальная катастрофа. Всего за 20 лет мы прошли гигантский путь в этом направлении. У Древнего Рима на это ушли столетия. Это действительно национальная катастрофа и надо понять, что отечество в опасности.

Что делать? Я думаю, что Кондакову нужно дать орден за создание революционной ситуации в России – в образовании это уже точно., потому что все-таки последние, скажем, несколько недель видно, что общество пробуждается. Общество становится – действительно есть ростки гражданского общества и появляется общественное мнение, с которым очень трудно уже бороться. Мы одержали практически победу, потому что ясно, что тех стандартов нет спасаемых, но это только первый шаг. Потому что отсюда вытекает: а в чем причина? Надо же в этом разобраться. Как говорил Тамерлан(?), у него есть эпизод, - это больше, чем преступление, это ошибка. Я продолжу: то, что произошло здесь в

образовании, это больше, чем ошибка. Это вопиющая безответственность и полный непрофессионализм.

М.С.Горбачев Это преступление или халатность?

А.М.Абрамов. Это, конечно, преступление против национальных интересов, разумеется, здесь и халатности, слава богу, сколько, и воровства сколько!

М.С.Горбачев. После нашего совещания в прокуратуру обратитесь.

А.М.Абрамов. (Смеется). Но я закончу некоторым предложением некоторых первых шагов. Давайте восстановим слово «ответственность». Я думаю, что должны быть: безотлагательная отставка товарища Фурсенко с поста министра образования, реорганизация Министерства образования и науки, создание Министерства народного просвещения, ответственного за школу.

М.С.Горбачев. А финансирование?

А.М.Абрамов. Как всегда 200 лет, но только последние десять лет этого нет.

Дальше необходимо остановить закон. Вот то распоряжение – это вообще смешно. Сначала президент говорит, что к концу декабря дайте мне формулу обсуждения социально значимых законов. Мы получили это распоряжение только что. Следовательно, обсуждение закона шло вне закона. Что делать с законом? Нормальный путь – продолжить обсуждение, во-первых. Нормальный путь обсуждения таков: бессмысленно обществом обсуждать тысячи положений и сотни страниц. Нужно написать программу развития образования в стране, концепцию закона, которая отвечала бы этому. Это вынести на обсуждение и потом уже по ходу дела решать и закладывать то, что есть в законе.

Я могу сказать, что если он будет принят сейчас, понимаете, это закон без фундамента. Во многих статьях этого закона, к примеру, ЕГЭ зависит от стандарта, БКУ зависит от стандарта. Если мы понимаем, что никакого стандарта у нас нет и в ближайшее время не будет, следовательно, закон-то пустым становится.

Следующее. Конечно, нужна реорганизация Академии Образования, которая формально считается штабом, так сказать, российской науки в образовании.

Но и это тоже не все. Я думаю, что сверхоперативно нужно созывать съезд – создавать съезд снизу, на конец года, скажем, его поставить. Надо провести совещание где-то на весенних каникулах по поводу оперативности, которое бы подготавливало съезд и делало первые шаги, все продумывало и которое представляло бы профессионалов, а не созывало сверху – со стороны министерства. Это совершенно реально сделать.

Естественно, я призываю всех присутствующих журналистов не успокаиваться на этом. Слава богу, что этот набат начал звонить. Но это нам нужно всем, собственно, и журналистам, и нам. Если мы почувствовали себя обществом, то надо действовать дальше.

М.С.Горбачев. Но надо делать все в контакте. Вы в области работаете?

А.М.Абрамов. Нет, я в Москве живу.

М.С.Горбачев. А работаете где?

А.М.Абрамов. Я в Москве живу и работаю.

М.С.Горбачев. Вот так.

А.М.Абрамов. А с селом у нас совершенно трагическая история. Там есть люди, которые это понимают. Село уничтожается вместе со школой. Потом, Михаил Сергеевич, но какой бред говорить про профильную школу, что дадим каждому ученику по профилю. Это в сельской-то школе?

Этот стандарт нереалистичный.

О.М.Здравомыслова. Тут просто вопрос был: не останутся ли сельские учителя без работы в результате всего этого?

А.М.Абрамов. Останутся. Но по разным причинам. Во-первых, при укрупнении. Кстати говоря, я подумал бы сто раз, как по нашим дорогам и с нашими машинами увеличивать перевозки детей. Останутся без работы, потому что там, естественно, идет же экономия. Во всей этой политике воинствующий экономизм, безудержный формализм и полный непрофессионализм.

М.С.Горбачев. Абсолютно так.

О.М.Здравомыслова. Спасибо.

М.С.Горбачев. Деньги не знают на что тратят и какие-то фонды образуют на такие вещи, как образование медицины. Вот базовый...

О.М.Здравомыслова. Пожалуйста, Сергей Маркович Лукашевский – член Координационного совета Форума «Гражданский диалог».

С.М.Лукашевский. Большое спасибо. Уважаемые друзья, у меня на протяжении всего нашего сегодняшнего разговора хочется обратить внимание на следующее. Мы здесь сегодня уже успели поговорить, набросать огромное количество разных конкретных проблем – и про сельские школы, и про специальные школы и т.д. Все это предельно важно. Я понимаю, что у каждого человека, который болеет какой-то своей темой, возникают какие-то предложения. Да, эта тема у него болит, он хочет что-то сделать, но мне кажется, что обсуждать весь перечень таких специальных тем в нашем кругу и тратить все наше время на это, в действительности, достаточно бессмысленно, потому что мы можем об этом, в конце концов, прочитать статьи и т.д.

Проблема главная, основная загвоздка в нашей сфере образования новыми законами и т.д. в том, что нет реального диалога с теми, кто отвечает за решение этих задач на политическом уровне. Да, я тоже знаю, что есть специальный сайт, куда любой человек может внести свои предложения. Но это диалог в одни ворота. Мы можем накидать много своих предложений без какой-либо гарантии, что мы получим какой-то ответ. А эти все проблемы надо обсуждать, начиная с принципиально политической постановки вопроса. Даже в данном случае, когда у нас на собрании присутствует один из тех, кто причастен к разработке всего этого законодательства или тех или иных законодательных актов, но я видел, в частности, при всем моем уважении к нему, господин Рожков, например, сейчас не может вести этот диалог с нами. И это не претензия. Это реальное понимание. Тут нужен диалог на совершенно другом уровне.

У меня есть абсолютно четкое ощущение, что как бы изначально исходные политические задачи образовательной реформы – это сделать ее более легкоуправляемой и сделать всю эту сферу более дешевой. Все. Без диалога, который начнется с обсуждения именно этих исходных принципиальных политических вопросов, ничего невозможно. И здесь от нас, мне кажется, требуются не попытки. Мы живем в старой парадигме, в попытках пробить свою проблему на вершину власти, добиться, чтобы была решена какая-то конкретная задача. В действительности не хватает, на мой взгляд, простой вещи - добиваться нужно реального стола или согласительной комиссии, в которой бы участвовали, с одной стороны, реальные представители власти, с другой стороны, представители образовательной общественности и просто общественность.

Я все понимаю, насколько это тяжелая задача и как легко можно сказать, что это мало реализуемо. Но если мы не будем такую задачу вообще перед собой ставить, то скорее всего либо кем-то, каким-то группам удастся мобилизовать общественность и спасти какой-то свой конкретный кусочек проблем, либо не удастся и этого. Но в действительности мы будем каждый раз сталкиваться, каждый раз биться головой о стену и рассказывать друг другу, как ужасно обстоят дела и как не профессиональна и часто абсурдна государственная политика в той или иной части нашей жизни.

Спасибо.

О.М.Здравомыслова. Я думаю, что теперь, во-первых, Сергей поднял вопрос по поводу диалога с властью, и в нашем кругу он обращался в основном к Артемию Игоревичу, которые вообще-то скорее эксперт, чем представитель государственных структур.

Но я хочу вам сказать, что у нас присутствует заместитель директора Департамента общего образования Министерства образования и науки Российской Федерации Ирина Ивановна Тараданова. Мы очень благодарны за то, что она приехала. Она уже выслушала здесь очень много разного.

Мужской голос с места (*не представился, не в микрофон*). Я прошу прощения. Можно я сейчас выступлю... Я здесь расскажу, о чем мы говорили здесь...

О.М.Здравомыслова. Нет, нет, нет. После этого.

М.С.Горбачев. Дайте слово.

О.М.Здравомыслова. Хорошо, давайте. Я как раз имела в виду, что лучше вам выступить после и, может быть, отреагировать.

М.С.Горбачев. Дайте слово, здесь живой процесс..

О.М.Здравомыслова. Хорошо, давайте. Яков Семенович Турбовской – доктор педагогических наук, президент Академии творческой педагогики, председатель директоров стран школ СНГ.

Я.С.Турбовской. О чем я хочу сказать? Здесь прозвучала у последующего выступающего мысль, которая совершенно справедлива. Обсуждая частные очень актуальные вопросы, мы попадаем в ловушку. В какую ловушку мы попадаем? Одиннадцать тысяч замечаний поступило и этим самым провалили все разговоры о каких-либо замечаниях. Ничего нельзя сделать с этими замечаниями, это совершенно пустое дело. Проблема же заключается именно в том, что мы до сих пор не понимаем, что у нас 28 Панфиловцев, а позади Москва.

На самом деле если мы не примем сегодня решения, которые каким-то образом позволят понять и не допустить того, чтобы нам сказали, что вот вы учли какое-то количество замечаний, как это бюрократы делают, мы организовали широкое обсуждение, а любое широкое, непрофессиональное обсуждение – это самое мощное средство провалить проблему изначально. Сначала ее должны решить специалисты, а потом уже ее представлять на широкое обсуждение.

Дело не в количестве замечаний, а в глубине анализа, который лежит в основе всего этого. В этой связи я хотел бы привести только два высказывания, которые позволяют мне оттолкнуться от разговора сегодня с вами.

Первое высказывание – это высказывание министра образования Фурсенко, который говорит, что лучше пожертвовать сроками, чем выпускать сырой

документ. Это говорит человек, о котором мы говорим с вами, что он причастен к созданию данного документа.

И второе высказывание в названии одной из статей в «Российской газете». Статья называется так: «Закон об образовании снова отдан на растерзание обществу». Что же это за закон такой, который встречается обществом, которая его терзает? Насколько болезненно людям воспринимать все это..

М.С.Горбачев. Что это за газета?

Я.С.Турбовской. «Российская газета». Проблема объясняется тем, что нам сегодня надо понять. Ксения (я не знаю ее отчества) сказала следующую вещь, что вне стратегии не может быть законов. Нет определенной нормы - хорошая норма или плохая норма. Вы будете говорить одно, а я буду говорить другое. Поэтому у этого закона нет стратегии, как нет ее у нашего образования. И отсюда вытекает целый ряд совершенно других вопросов. Каких?

Мы не понимаем, что сегодня представляет собой вариативное образование. Мы не понимаем, что собой представляет современная школа в сегодняшних условиях. Мы не понимаем, что такое светское образование. Мы это не понимаем. А без этого мы не можем понять, что то, что мы улучшим профобразование или не улучшим профобразование, решим тот вопрос или иной вопрос, у нас нет концептуального понимания, что собой представляет отечественное образование для развития России.

В этой связи я хотел бы сказать, что самая страшная беда, которая случилась, - это то, что чиновники присваивают себе смысл слов. Они трактуют светское образование как соотношение религии и не религии, государственности. А на самом деле светское образование – это величайшее достояние истории культуры человечества, где все люди, живущие в этом обществе, могут решать бесконфликтно, консенсуально(?) вопросы.

И второе, чего мы совершенно не делаем, что у нас отсутствует полностью, - это мы не понимаем, что у нас есть ... (и тут я, Ксения, с вами не могу согласиться), у нас есть идеология. Это Конституция, это идея федерализма - ве-

ликая идея федерализма, которая должна нам позволить что-то понять. У нас же разлагаются ксенофобскими настроениями, националистическими настроениями в школе. То есть мы должны понять, что не решив проблемы содержания образования, не решив различий между социализацией и воспитанием, не решив проблемы между тем, что школа сегодня может делать, а чего не может делать, оставляя учителя на ветру, где его продувает со всех сторон, и его еще обвиняют во мздоимстве.

Понимаете ли, проблема-то заключается в том, что мы позволяем себя таскивать в ловушку частных вопросов и обсуждать их, не понимая, что без выработки стратегии нам никуда нельзя продвинуться.

И завершая свое выступление, я хочу сказать. Мне дали 5 минут. Я написал доклад, думал, что нам удастся серьезно поговорить об одной совершенной теме, я хочу прочитать и сказать следующую вещь. Я 50 лет работаю в образовании. Единственное, что мне непонятно, - это то, что двигало рукой тех, кто писал эти законы. Насколько же надо не любить свой народ, свое будущее и своих детей, чтобы создавать вот такую программу, обрекать наших детей вот на то будущее, на которое они идут. Поэтому я не знаю, что делать. Я выступал в Думе, я выступал в Совете Федерации, но проблема-то и заключается в том, что те люди, которые сегодня пытаются решать частные вопросы, а их очень много, становятся союзниками тех, кто говорит о том, что мы доработаем, дополним. А там дополнять нечего. Этот закон, который нам предлагают, он вреден, антинароден, и он не должен быть ни при каких обстоятельствах принят.

И то, с чего начал Михаил Сергеевич, и, к сожалению, это не получило развития у упершихся в те частные и иные вопросы. Это совершенно правильная постановка вопроса – мы должны сделать все для того, чтобы этот закон ни при каких обстоятельствах не был принят. И тогда выйдет самое главное – тогда можно будет создать эту цепочку: концепцию развития образования, понимание закона об образовании, ответ на вопрос, что такое наша школа.

И, действительно, надо создать какую-то творческую группу. А то так получается, что Российская Академия Образования, где я заведу лабораторией философии, отстранена от этого самого дела. Какие-то внутренние, подводные, гольфстримовские потоки, но при холодном движении движутся и непонятно, куда они движутся и куда они нас тянут. Поэтому давайте постараемся, Михаил Сергеевич,..

Мужской голос с места (*не представился, не в микрофон*). Это денежные потоки, хорошие денежные потоки. Все это прекрасно понимают...

Я.С.Турбовской. Я прошу прощения. Я ведь тоже понимаю, что это не денежные потоки. Это потоки потерянной совести у нашего общества. Потеряна нравственность у нашего общества. Потеряны ориентиры в развитии. Общество не может развиваться, не имея идеалов.

Что у нас происходит сегодня? Мы же не понимаем, какая у нас личность. Если мы живем в капиталистическом обществе, давайте говорить об индивидуалистической личности. Мы живем в некапиталистическом мире, давайте говорить, какое мифическое гражданское общество. Собрались, покричали – и это гражданское общество. Мы же системно ничего не понимаем и ни о чем не говорим. Поэтому проблема сегодня и заключается в том, что единственная возможность сегодня докричаться – это СМИ. И к вам я лично обращаюсь: здоровья вам и давайте попытаемся все сделать.

О.М.Здравомыслова. Пожалуйста, у вас трудная задача, но, наверное, вы имеете большой опыт, чтобы на нее ответить.

И.И.Тараданова. Уважаемые друзья, может быть, действительно на сегодняшнем нашем собрании мы замахнулись на очень широкий круг вопросов. Я пыталась делать какие-то заметки, чтобы каким-то образом пояснить, может быть, объяснить в какой-то степени некоторые вопросы. Но, к сожалению, мне это не удалось, потому что мы обсуждали настолько разные, взаимоисключающие вопросы, поэтому вычленив какую-то отдельную тему для обсуждения для меня достаточно затруднительно.

Более того, иногда мы сбивались в понимании. Это, наверное, объяснимо, поскольку, может быть, мы не настолько активно это обсуждали. У нас происходит смешение таких вещей, как закон и стандарт. То есть так получилось, что стали их активно обсуждать в одно и то же время. Хотя, если говорить о стандартах, которые сейчас активно обсуждаются, но они начали разрабатываться, наверное, где-то в 2004-ом, даже в 2003 году. Стандарты – детище более молодое. Фактически ими занимаются года два с половиной. Но когда выдали на гора и то, и другое, в процессе полемики их смешали в кучу. Хотя понятно, что эти вещи находятся в образовательном пространстве. Но я должна заметить, что это документы разного уровня. То есть понятно, что есть закон. Они даже и утверждаются разными документами. Закон – это закон, а стандарт, о котором мы говорим, он утверждается нормативно-правовым актом, а именно – приказом министерства. Это более профессиональный документ, и сам по себе стандарт – он тоже не окончательный, как говорится, документ, по которому будет жить школа. Потому что сам по себе формат этого документа представляет собой рамку, которая предполагает в дальнейшем появление более конкретных документов, которые называются примерными программами, программами по учебным предметам. Там как раз, конечно, становится более понятно, как видится содержание образования. Я так понимаю, что это будет обсуждаться не менее активно.

Меня удивило, я совершенно искренне считала, что как таковой реформы у нас нет. На чем основывалось мое, вероятно, теперь уже заблуждение? Это то, что, разрабатывая стандарт, мы просто выполняли норму закона, в соответствии с которым у нас стандарты утверждаются не реже одного раза в десять лет. Мы смотрим, что последний стандарт у нас был утвержден в 2004 году, соответственно не реже одного раза где-то в соответствии с законодательством должен бы появиться.

Но сегодня на дискуссии так сложились, может быть, выстроилось, (может быть, в этом, действительно, был смысл), были представлены, правда, как рядо-

положенные документы – и закон, и стандарты, и про ЕГЭ говорили, и затронули 83-й закон. Я поняла, что, конечно, несмотря на то, что они сами по себе как изолированные документы, но на самом деле все это взаимосвязано. И по тому количеству изменений, и по тем изменениям, которые происходят, наверное, действительно, происходят какие-то очень серьезные преобразования, которые многие выступающие назвали именно как реформа. Может быть, это и так.

Не ставлю сейчас перед собой попытку, в связи с тем, что, может быть, мы достаточно долго все это обсуждаем, ответить на конкретные вопросы; хотя, конечно, если вы посчитаете необходимым, то я это сделаю. Просто затрудняюсь выбрать какой-то один вопрос. Но то, что такие основополагающие документы надо обсуждать, нет никакого сомнения.

Если хотите говорить о чем-то конкретном и если есть еще на то силы, то давайте будем начинать заново.

Мужской голос с места (*не представился, не в микрофон*) Лично вам нравится и то и другое?

И.И.Тараданова. Я не думаю, что я могу сказать, что мне что-то нравится.

Женский голос с места (*не представилась, не в микрофон*). Я учитель средней школы. Я согласна с предыдущим выступающим. Я не хочу с вами обсуждать никакие конкретные вопросы. Я достаточно знаю и об этих реформах, и о ваших стандартах, и о вашем законе – о 83-ем и другом. Я не хочу.

Сегодня выступал и еще человек, статистику привели – 97 процентов населения против этих реформ. Все. Снимайте это. И давайте рассматривать альтернативный закон, например, господина Смолина. Хватит это все обсуждать. (Аплодисменты).

И.И.Тараданова. Знаете в чем мы будем с вами солидарны? Сегодня при том, что полемика была такова, что некоторые вещи в целом понятны, но есть ощущение того, что люди против. Это ощущается. Но в чем, наверное, мы солидарны, что на самом деле мы говорим в ПИЗе плохо, в том-то плохо. Все плохо,

плохо и плохо, и совершенно очевидно, что напрашивается вывод. Если плохо, абсолютно ничего менять нельзя. Надо менять для того, чтобы это «плохо» стало лучше. Это очевидно. Другое дело, что вы говорите, что не этот должен быть документ, не в такой редакции должен быть документ. Но хорошо: это уже другая постановка вопроса.

Голоса с мест....

И.И.Тараданова. Давайте обсуждать нечто другое. Где это другое?

А.И.Рожков (*с места, не в микрофон*) Зачитывали и другое...

И.И.Тараданова. Я, к сожалению, этого не видела.

А.И.Рожков. Прошу прощения. Я хотел бы задать конкретный вопрос и получить ответ не на уровне решения, а на уровне личного вашего отношения. Как вы относитесь к идее, чтобы некоторая новая редакция закона вырабатывалась совместной комиссией из представителей министерства, представителей образовательного сообщества и общественных организаций?

И.И.Тараданова. Совершенно положительно к этому отношусь, конечно. Так и должно быть. Мне только казалось, что так оно и происходит. Но, вероятно, не так.

Женский голос с места (*не представилась*). Почему вы ни меня, ни других не пригласили принять участие в этой работе?

А.И.Рожков. Коллеги, не забывайте, что в рабочей группе, в которой обсуждался законопроект, есть не только представители даже Высшей школы экономики, но в нее входит и Садовничий, в нее входит Кропычев – это ректор Санкт-Петербургского государственного университета, в нее входит Ефим Лазаревич Раевский, тоже, может быть, зависимый человек.

Голоса с мест (*не в микрофон*). Рачевский зависимый от нас...

А.И.Рожков. Рачевский зависимый, во-первых, от нас – от кого? Возникает вопрос. Вот такие бывают зачастую высказывания. Духанина, наверное, тоже от кого-то зависима. И еще люди, входящие в состав Общественной палаты, то-

же люди, наверное, от кого-то зависимые, но говорить о том, что общественность никак не вовлечена в обсуждение этого закона, нельзя. В рабочую группу, которая была в министерстве, тоже входили представители не только подведомственных учреждений, но и представители и общеобразовательных учреждений, и соответственно лица, являющиеся не только руководителями, но и учителями и педагогическими работниками.

Мужской голос с места (*не представился, не в микрофон*). А вы считаете нормальным, что идеолог реформ, ректор вашей школы Ярослав Иванович Кузьминов является председателем комиссии Общественной палаты?...

А.И.Рожков. Это спорный вопрос.

М.С.Горбачев. Я думаю, что на этом надо сейчас закончить. Вовремя надо поднимать такие вещи.

Женский голос (*с места не в микрофон, не представилась*). У меня вопрос: почему только Рачевский и т.д.? А вот я, например, хочу участвовать. Как я могу это право получить?

Голоса с места (*не в микрофон*)...Вам не дадут участвовать...

А.И.Рожков. Почему не дадут?

(Смех в зале).

Не я же формировал эту рабочую комиссию.

Женский голос продолжает(*с места, не в микрофон*). Обычный учитель, как мне пробиться на вашем уровне? Я ездила в Министерство образования. Мне сказали, что спасибо, ваши услуги, ваши идеи, вы сами нам не нужны. Мне так прямо сказал заместитель министра образования Российской Федерации.

Голоса с места (*не в микрофон*)...

Женский голос продолжает(*с места, не в микрофон*). Тогда зачем нам сейчас лапшу на уши вешать про общественное участие во всем этом?

Мужской голос (*не представился*). Можно я два слова скажу. Тут Михаил Сергеевич сказал в начале нашей работы, что было высказывание президента тогда Путина о том, что дорого стоит система образования и результаты не

очень хорошие. Но если посмотреть высказывание Президента Российской Федерации, то мне кажется, что он не принял активное участие в этом обсуждении. Он свою позицию по главным вопросам не обосновал.

Сейчас образование во всех странах – стратегический вопрос. Обама, Саркози, Меркель – они определяют контуры дискуссий. Они не ставят точку, но контуры дискуссии определяют они. И мне кажется, что по таким главным вопросам, которые здесь прозвучали, конечно, президент должен сказать свое слово, и дальше уже в треугольнике – власть, экспертное сообщество и гражданское общество должны вести обсуждение. Мне кажется, что можно было бы обратиться от имени Форума «Гражданский диалог» к президенту Медведеву, чтобы он принял участие в этой дискуссии, высказал свою позицию. Президенты всех стран сейчас свою позицию выскажут.

Последнее послание о положении страны Президента Обамы было посвящено в основном проблемам образования, при том, что там экономические проблемы острее и так далее.

О.М.Здравомыслова. У меня один вопрос конкретно к Елене Ивановне Башкировой. Лена, скажите, какие результаты, как общество относится вот к этим новациям в образовании? У вас, может быть, есть какие-то последние результаты?

Е.И.Башкирова. Вы знаете, что исследования мы проводим на протяжении многих лет. Но я хочу сказать, что большая часть нашего населения, которое мы опрашивали, до конца не понимает, что реально происходит. Полная каша в голове. Хотя, когда мы задаем вопрос, насколько вас волнует образование, конечно, это волнует даже не 98 процентов, а, может быть, 99,5 процента. Все с этим связаны. Все волнуются.

О том, что образование плохое, говорят абсолютно все. Мы проводим очень много исследований. И о чем бы мы ни говорили – о внешней политике, о любой проблеме, всегда находятся люди, которые сводят все к этому плохому образованию.

Не далее, как вчера я была в прямом эфире, мы как раз обсуждали проблему о том, почему люди уезжают. Только что мне перезвонили, Балтика слышала и просит сейчас еще. Да, это очень актуальная проблема. Это связано с образованием.

Есть конкретные и самые последние данные: очень людей волнует, и это понятно: да, никто не понимает ваши стандарты, очень плохо относятся к бюрократии, очень плохо относятся к министерству, оно на самом последнем месте, у министра просто престиж ниже плинтуса. К бюрократам, к вам, извините, к чиновникам отношение, ну, просто отвратительное. Все время просят люди, чтобы сняли вот эти все льготы и понизили заработную плату в период кризиса. Потому что это безобразие. Я как работодатель всем понизила зарплату, а наши чиновники сидят и 10 лет, как тут сказали, не могут какие-то стандарты принять. При этом, я хочу сказать, что наша страна, с точки зрения, экспертов в любой области – это просто впереди планеты всей. У нас миллион людей, умнейших, образованных и горящих желанием, как вот эта учительница, мнением которых пренебрегают.

Больше всего сейчас волнует платность образования. Это просто кричащая проблема. Все говорят об этом, молодежь в особенности. Мы проводили работу и среди населения, и среди молодежи. Реально люди говорят, что если будет платное образование, мы будем уезжать и т.д. Я не хочу развивать мысль. Хотя справедливости ради приведу последние данные в отношении ЕГЭ. Хотя в устных разговорах люди высказываются против, говорят, что это профанация, коррупция и т.д. Исследования журналистов показывают, как у нас на Северном Кавказе все получают шикарные результаты по ЕГЭ. Но тем не менее 45 процентов все-таки считают, что в общем-то это дает какие-то более равные шансы для молодежи получать образование. Это не так. Много, но это не так мало, как я, например, ожидала.

Можно я еще буквально полторы минуты потрачу на то, чтобы сделать какое-то конкретное предложение. Михаил Сергеевич, если вы помните, я на

каждом нашем заседании твержу о том, что нужны концепция и стратегия неважно чего. Вот мы здесь собрались, да, у нас должна быть дальнейшая стратегия, концепция - чего мы хотим. Второе – должен быть реальный выход, потому что на тусовке тут приятные люди, мы друг другу рассказали, как раньше атеисты собирались, друг другу рассказывали, что бога нет и разошлись. Ну, вы напечатаете свой сборничек, я в таких тусовках участвую просто через день с таким же результатом. Ну, напечатайте, нам раздадите, мы прочитаем каждый свою часть. Должен быть результат. Мне очень понравились выступления последних, которые перед представителями министерства выступали мужчины. Я не буду повторяться. Это умные люди. Вся концепция у вас есть. Расшифруйте ваши записи, все уже люди сказали, что надо делать. Но я хочу сказать о чем? Что мы все-таки не должны сдаваться. Здесь есть две стороны вопроса.

Первая сторона – я согласна полностью, что должны люди грудью лечь на рельсы сейчас. Мы не должны ни в коей мере допустить этот закон. Вторая часть – мы должны создать какие-то условия, способствовать созданию условий, чтобы экспертное сообщество начало работать над реальной разработкой и проекта и стандартов. То, что нам здесь рассказывали, - это просто детский лепет. Мне кажется, что просто стыдно от такого хорошего, так сказать, учебного заведения (я сама являюсь членом попечительского совета факультета социологии Высшей школы экономики). Я хочу сказать, что это просто стыдно говорить и прикидываться, что это проходит публичное обсуждение. Никакого публичного обсуждения нет.

Я хочу разделить ваше негодование, Михаил Сергеевич. Это просто полное безобразие. Кроме того, что у нас катастрофа в уровне самого образования, у нас другая катастрофа – нашим общественным мнением просто пренебрегают. Я просто в ужасе, когда я услышала, что такое количество протестных писем написано и никто не обращает внимание. Фурсенко все еще сидит на своем месте.

Если вы смотрели вчера телевизор, вы, наверное, слышали, когда у нас был разбор полетов, господин Медведев проводил, и каждый там отчитывался. И месье Фурсенко заявил такую вещь, что вот у нас перепроизводство гуманитарных профессий и жизнерадостно рапортовал о том, что они приняли очень эффективные меры и сократили на 40 процентов бесплатные места в университетах по гуманитарным профессиям. Не сократили вообще, что логично было бы сделать, а просто бесплатные места. Это просто безобразие, и все это кивком было принято нашим президентом.

Что я предлагаю конкретно? Не буду повторяться. Я считаю, что пришло время, Михаил Сергеевич, использовать наш Форум. Помните мы обсуждали, я опять твердила на первом заседании, я сказала, что должна быть концепция, что мы делаем. Мы собираемся и кушаем чай с бутербродами, встречаемся с приятными людьми? Нет. Мы должны, я считаю, подготовить документ, открытое письмо от гражданского диалога с вашим именем, которое светлое, и оно не может остаться без ответа со стороны первого и второго наших лиц.

Мы должны создать какую-то рабочую группу, собрать все протестные материалы. Их очень легко обозвать, что это доносы учителей. Когда будет собрано, например, 40 документов (я заканчиваю), тогда нас не могут не услышать. Тогда уже следует формировать вот это экспертное сообщество. Ксения говорила, что, может быть, профсоюз учителей. Но обязательно что важно? Нельзя замыкаться в какой-то одной профессиональной сфере. Они должны работать параллельно – учителя, профессиональные психологи, социологи, юристы и т.д. Тогда это будет сведено в какую-то единую группу.

И последнее. Просто смешно обсуждать этот закон, если 11 тыс. там поправок, и они не учитываться не могут. Я вам могу сказать как профессионал, я знаю, сколько надо людей. Это человек 300 вам надо для обработки этих 11 тысяч и надо уметь их обрабатывать.

О.М.Здравомыслова. Спасибо, Елена Ивановна.

И.И.Тараданова. Я хочу все-таки в какой-то степени защитить министра Фурсенко, потому что мне кажется, что мы делаем большую ошибку, когда мы пытаемся персонифицировать все значительные мероприятия и события, которые происходят в нашей стране.

Дорогие господа, у нас выстроена вертикаль. Когда вы говорите, что рейтинг министра Фурсенко ниже плинтуса, назовите мне другого министра, у которого рейтинг выше плинтуса. Почему не уходит в отставку Нургалиев? Почему не уходит в отставку Голикова? Я вам могу вам назвать весь кабинет поименно. Потому что самое простое и самое бессмысленное, что мы можем потребовать, - это отставку министра Фурсенко. Нужно работать с той вертикалью, которая стоит. Она здесь есть, и никуда она не денется. Нужно исходить из тех реалий, которые мы имеем мы сегодня, тогда будет какой-то смысл.

О.М. Здравомыслова. Мы переходим к заключению. Мы уже должны заканчивать.

Я предоставляю слово для заключения Михаилу Сергеевичу.

М.С.Горбачев. У нас все-таки получился разговор. В начале нашей работы было какое-то растекание. Была попытка представить ситуацию спокойной, недраматической. Состояние образования, я эту сферу считаю важнейшей не меньше, чем медицина. Образование упирается в сегодняшний и завтрашний дни. В таком положении нельзя больше оставаться.

Я не согласен с Ксенией потому, что надо этот процесс очень мощно тащить. Нужен такой мотор, которому это под силу. Фурсенко я знаю, он как человек хороший, с ним можно говорить, он прост. А что от того, что он простой? Он говорит, что приходите, и я вам расскажу, что у нас все нормально.

Ксения Ларина. Не он принимает решение, Михаил Сергеевич, вы же понимаете.

Женский голос с места. Люди там несамостоятельные. Ни одного самостоятельного человека там нет.

М.С.Горбачев. Вы что хотите, что мы, обсуждая образование, пришли к выводу, что надо уходить в отставку всему правительству?

Возгласы одобрения.... Нам надо думать, кого мы во власть избираем...

М.С.Горбачев. Это верно. А как вам удастся... О.Н.Смолин даже рассказал, как у вас получается, что через Думу проходит это все. Ну, а Дума, оказывается, тоже в руках. Значит, мой тезис о том, что это худшая копия КПСС, подтверждается. Здесь дело как раз в политике.

Голоса с места...

М.С.Горбачев. Разрешите мне сказать вот что. Я думаю, что да, мы должны были и к частным вопросам идти. Но есть знаменитое высказывание: «Не разобравшись в общих вопросах, не пытайтесь браться за частные. Вы все время будете шишки на себе набивать за нерешенные общие вопросы». Общие вопросы, действительно, состоят в этом. Ведь советское образование тоже уже на определенном этапе начало хилеть и т.д. Там много было чего. Но в нем такие были заложены моменты, которые действовали десятилетия. Что-то там приводилось, делалось.

Мне думается, что от нашей конференции стоит написать письмо. Здесь я попрошу директора Фонда, председателя нашей конференции поговорить, привлечь кого-то, кто согласен поучаствовать в составлении этого письма.

Мне думается, что нам действительно нужно поднимать наш разговор и делать выводы из него. С трудом, но прорезалось это беспокойство. Оно связано, действительно, с принципиальными вопросами, со стратегией, с политикой в области образования. Первая и главная тема – надо иметь концепцию. А концепция должна состоять в том, что сделать с образованием, чтобы его адаптировать к вызову современно времени, современной жизни, Мы идем к обществу знаний – вот отсюда нам надо идти. Отсюда пойдет первый тезис.

Второе – нам нужно все-таки подтвердить абсолютную обоснованность конституционных положений, этих статей – бесплатность, доступность и еще определенные тезисы вокруг этого. Это все на уровне Конституции не зря по-

ставлен вопрос. Он так и должен там оставаться и соблюдаться. Тот, кто отторгает Конституцию, ему не место в управленческом аппарате – ни в правительстве, нигде.

Третье – это положение учителя. Это надо делать отдельно. Это тоже сюда входит.

Правильно, что содержание пропагандистской работы определяется составом лекторов. Это то, что цитировал здесь Павел. Ты цитировал, Павел?

Мужской голос с места. Кузнецов.

М.С.Горбачев. Да, да, да.

Об учителе. Сельскую школу отдельно поставить. Она погибает, кстати, вместе с селом. Потом надо ставить вопрос о селе, о судьбе российского села.

И, я думаю, о науке.

Вот все эти пласты нужно объединить в новый документ. В связи с этим я считаю, что я внес предложение. Я вносил предложение реализацию этого закона приостановить. Просто надо его снять и поручить это сделать Фурсенко.

Я не знаю, я не уверен, что у Фурсенко и его команде что-то получится и что они способны будут выйти на новый закон. Они будут делать так: сегодня выполнить мероприятие, сдать к первому числу, зарплату получить и начинать дальше. Так вроде бы писатель пишет, читатель читает, а жизнь сама по себе. Уже нельзя откладывать дальше и упрощать дело – государственное дело.

Вы проявили очень серьезные вещи. Вот эта фраза, что хватит обращать внимание на общественное мнение. – это имейте в виду везде звучит. Только делается имитация, что все вроде работает, все, так сказать, нормально, встречи какие-то проходят и беседы. На самом деле все повисает.

Пример – национальные проекты, 5 национальных проектов. Все повисли. Все! А это же государственное значение.

Так что я думаю, что это этого уходить не надо. Мы раньше не могли на это выйти. Нам самим надо было много почитать, послушать, встретиться. Но

сейчас это уже нельзя и нам откладывать, чтобы мы не превратились в говорильню. Еще будет одна говорильня.

Мне думается, что надо пойти на письмо от имени этого Форума. Я готов пойти с ним и представить начальству, если примут, имейте в виду. Я имею в виду меня.

Голоса с мест...

М.С.Горбачев. Вы не знаете всего. Вот так. Я прошу, Ольга Михайловна, безотлагательно заняться продолжением всей этой работы и вывести, так сказать, главное. Возьми людей, попроси их поучаствовать.

О.М.Здравомыслова. Уже есть очень активные люди, которые готовы участвовать.

Извините, что не всем удалось выступить. Просто я понимаю, но потом можно внести вклад.

М.С.Горбачев. Представители министерства, комиссия этой группы – это механизм. Если он крутится, то там масло обязательно будет. А если они выбираться из колеи, их просто убирают оттуда или они сами уходят. Поэтому я согласен, что Денис будет лидером, а все остальные – это ситуация такая, судьба такова. Я ничего не могу сказать.

Женский голос с места (не представилась, не в микрофон)...Мне кажется, что это письмо должно быть открытым.

М.С.Горбачев. Согласен. Мы и туда дадим и в прессу. И мы договорились еще с моей старой хорошей знакомой, что мы подумаем наметить человека 2-3, чтобы базара не было. У вас иногда там базар бывает. Мне программа ваша нравится, я ее слушаю.

Взять и выйти на «Эхо», чтобы тоже все послушали. Надо сейчас, чтобы пошли от нашего разговора серьезные, ответственные и беспокойные сигналы.

Спасибо вам. Благодарю вас за все.

О.М.Здравомыслова. Спасибо.

(Аплодисменты).

